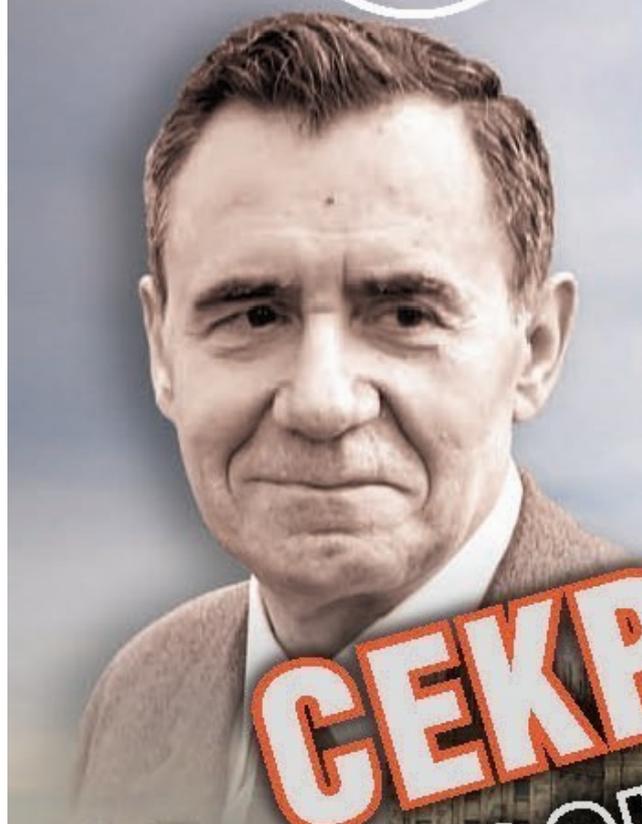

ВСПОМНИТЬ ВСЁ

Леонид МЛЕЧИН

**СЕКРЕТЫ
РОССИЙСКОЙ
ДИПЛОМАТИИ**

**ОТ ГРОМЬКО
ДО ЛАВРОВА**

Вспомнить всё

Леонид Млечин

**Секреты Российской дипломатии.
От Громыко до Лаврова**

ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ"

2019

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Млечин Л. М.

Секреты Российской дипломатии. От Громыко до Лаврова
/ Л. М. Млечин — ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ",
2019 — (Вспомнить всё)

ISBN 978-5-6040607-7-3

Россия всегда играла ключевую роль на международной арене. Но внешняя политика государства, как правило, является отражением происходящих в нем внутренних процессов. Со сменой правителей менялся и политический курс нашей страны, что влекло за собой кардинальные перемены во внешнеполитическом ведомстве. Это проявлялось как в назначении нового министра, так и в смене приоритетов в работе. Требовались другие, более гибкие дипломатические подходы к решению мировых проблем. В данной книге автор показывает историю развития дипломатии с начала 50-х годов до наших дней, причем не только с позиции самих работников российского МИДа, но и с позиции их зарубежных коллег. Более того, автор приводит тексты личных бесед с министрами и непосредственными участниками событий.

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-6040607-7-3

© Млечин Л. М., 2019

© ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2019

Содержание

Андрей Андреевич Громыко	6
А мог стать летчиком	7
«К дипслужбе непригоден»	9
Прощание с покровителем	12
«Мы вас похороним»	14
Прусские традиции	16
Овсяный суп для госсекретаря	18
Схватка с вице-президентом	21
Тосты и прогулки	24
Скандал с президентом	27
История с ботинком	29
Карибский кризис	31
Кремлевское трио и министр	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Лернид Млечин

Секреты российской дипломатии.

От Громыко до Лаврова

Сэр Генри Уоттон, британский поэт и дипломат, в 1604 году написал на форзаце книги свое определение дипломата, которое получило широкое распространение: «Добропорядочный человек, посланный за границу, чтобы лгать от имени своей страны». Это определение превращает дипломата всего лишь в исполнителя.

Все министры уверяют, что разработка внешней политики – прерогатива первого лица, что они лишь исполняют волю генерального секретаря или президента. Но это лукавство. Личность министра оказывает решающее влияние на формирование политики. Вячеслав Михайлович Молотов придал политике догматизм и упрямство, которых не было у Сталина. Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе шел дальше Горбачева в партнерстве с Западом. При одном и том же президенте Ельцине Андрей Владимирович Козырев пытался сделать Россию союзником Запада, а Евгений Максимович Примаков сменил курс. При Сергее Викторовиче Лаврове сначала ставили задачу наладить стратегическое партнерство со странами НАТО, а теперь мы враждуем.

Шеварднадзе перестал быть министром, потому что исчезло само государство – Советский Союз. Дмитрий Трофимович Шепилов ушел с поста министра на повышение – секретарем ЦК. Андрей Андреевич Громыко ненадолго занял высокую, но безвластную должность председателя Президиума Верховного Совета СССР. Примаков под аплодисменты Государственной Думы переместился с поста министра прямо в кресло главы правительства. Обратный путь проделал Молотов: он с поста председателя Совета министров переехал в Министерство иностранных дел.

Одиннадцать из четырнадцати министров подвергались жесткой критике: одни – пока еще занимали должность, остальные – после отставки или даже после смерти. Некоторых из них проклинали как монстров и демонов и по сей день. Исключение – Примаков. Он на посту министра обрел еще больше сторонников и поклонников.

Андрей Андреевич Громыко **Скромное обаяние «Господина «Нет»**

Юноше, мечтающему стать министром иностранных дел, смело надо брать за образец Андрея Андреевича Громыко. Аспирант из Белоруссии приехал в Москву, его взяли на дипломатическую службу, сразу же направили на работу в Соединенные Штаты. Он быстро стал послом, заместителем министра, первым заместителем, министром. Счастливчик!

Но это одна сторона его жизни. Была и другая, о которой загодя следует узнать всякому, кто желает в министры. Вот эпизод реальной жизни. Министр иностранных дел Громыко пришел к первому секретарю ЦК и главе правительства Никите Сергеевичу Хрущеву докладывать свои соображения. Надел очки и стал читать подготовленную министерством записку. Хрущев нетерпеливо прервал министра:

– погоди, ты вот послушай, что я сейчас скажу. Если совпадет с тем, что у тебя написано, хорошо. Не совпадет-выбрось свою записку в корзину.

И выбросил Громыко в корзину все, что долго готовил со своим аппаратом, и покорно слушал первого секретаря, который своего министра иностранных дел ни в грош не ставил. В отставку Громыко не подал, даже не обиделся, принял как должное, потому что понимал: если хочешь сделать карьеру, на начальство не обижайся.

Однажды, возвращаясь из зарубежной командировки, министр, пребывая в ностальгическом настроении, рассказал своим подчиненным, что он с тринадцати лет ходил с отцом на заготовку леса. Иногда он сплавлял плоты по реке. Надо было, балансируя на скользких бревнах, разгребать заторы. Один неточный шаг – и упал в воду. А бревна как будто старались подмять сплавщика под себя. Отличная тренировка для дипломата, заключил министр.

Андрей Андреевич Громыко пробыл на посту министра иностранных дел двадцать восемь лет, поставив абсолютный рекорд для советского времени. Но таковы российские традиции. Если российскому императору нравился министр иностранных дел, тот сохранял свой пост до глубокой старости. В XIX веке любимый ныне князь Александр Михайлович Горчаков был министром двадцать шесть лет. А нелюбимый граф Карл Нессельроде – сорок лет.

А МОГ СТАТЬ ЛЕТЧИКОМ

Будущий министр родился 18 июля 1909 года в деревне Старые Громыки неподалеку от Гомеля. В деревне было больше ста дворов, и почти все жители носили фамилию Громыко.

Андрей Андреевич был вторым ребенком в семье, первой на полтора года раньше родилась его старшая сестра Татьяна, но она рано умерла. Двое младших братьев-Алексей и Федор – погибли на фронте. Третий, Дмитрий, тоже воевал, но выжил. Андрея Андреевича миновала чаша сия, он провел войну в далекой Америке.

Громыко всегда хотел и любил учиться. Он окончил семилетку, потом профтехшколу в Гомеле, техникум в Борисове и, наконец, поступил в Экономический институт в Минске. В 1931 году вступил в партию, его сразу избрали секретарем партячейки в техникуме. В том же году он женился. Лидия Дмитриевна, верная спутница его жизни, была на два года моложе. Она родилась в деревне Каменке там же, в Белоруссии.

После двух лет учебы в институте Громыко назначили директором средней школы под Минском: доучиваться приходилось вечерами. Лидия Дмитриевна работала в совхозе зоотехником. Но это продолжалось не долго. В ЦК Компартии Белоруссии отобрали группу аспирантов из семи человек, которые должны были стать преподавателями общественных наук. Громыко, молодого, вдумчивого и серьезного специалиста, включили в список. Ему предстояло, защитив диссертацию, объяснять студентам-экономистам преимущества ведения сельского хозяйства при социализме.

Андрей Андреевич не очень обрадовался предложению: не хотел опять жить на стипендию, все-таки он уже женатый человек. Но природная тяга к образованию пересилила. Выпускные экзамены в институте сдал экстерном, успешно прошел собеседование, и его зачислили в аспирантуру. Учили аспирантов политэкономии, марксистской философии и – что решило судьбу Громыко – английскому языку.

В 1934 году аспирантов из Минска перевели в Москву во Всесоюзный научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства. Андрей Андреевич учился и ездил с лекциями по подмосковным совхозам и колхозам. Он видел, что деревня голодает, но рассказывал о пользе раскулачивания и успехах коллективизации. Эта работа не слишком увлекала Громыко. Его помнят как сухого, лишенного эмоций, застегнутого на все пуговицы человека, но в юные годы он был не лишен романтических настроений. Мечтал стать летчиком, решил поступить в летное училище, но опоздал: туда брали только тех, кому еще не исполнилось двадцать пять, а он попал в Москву, как раз отметив двадцатипятилетие.

Позднее Громыко говорил, что между летчиком и дипломатом есть нечто общее. Например, умение не терять голову в экстремальных ситуациях. Этим искусством он владел в совершенстве. Его хладнокровию можно было только позавидовать.

В аспирантуре Громыко проучился четыре года, написал кандидатскую диссертацию по экономике социалистического сельского хозяйства, защитил ее в 1936 году и был взят на работу старшим научным сотрудником в Институт экономики Академии наук. Одновременно Громыко преподавал политэкономии в Московском институте инженеров коммунального строительства. В 1938 году в журнале «Вопросы экономики» опубликовал статью, посвященную 90-летию «Манифеста Коммунистической партии», на следующий год журнал поместил его статью о книге Ленина «Развитие капитализма в России».

В период массовых репрессий карьеры делались быстро. В 1938 году Громыко некоторое время исполнял обязанности ученого секретаря института – после ареста его предшественника. Его хотели назначить ученым секретарем Дальневосточного филиала Академии наук. Но Громыко благоразумно отказался и не прогадал.

В начале 1939 года его вызвали в комиссию ЦК, которая набирала кадры для наркомата иностранных дел. Вакансий образовалось много. Прежних сотрудников или посадили, или уволили. В комиссию входили Молотов и Маленков. Им понравилось, что Громыко – партийный человек, из провинции, можно сказать, от сохи, – а читает по-английски. Знание иностранного языка было редкостью. Громыко взяли. А он еще сопротивлялся, не хотел идти по дипломатической линии.

В наркомате его оформили ответственным референтом – это примерно равняется нынешнему рангу советника. Но уже через несколько дней поставили заведовать американским отделом. Это высокое назначение его нисколько не смутило. Отдел США не был ведущим, как сейчас. Главными считались европейские подразделения.

«В 1939 году мы оба работали в центральном аппарате наркоминдела, – вспоминал дипломат Николай Васильевич Новиков, который тоже станет послом в США, – оба в роли заведующих отделами: он – отделом американских стран, я – ближневосточным. Несколько замкнутый по характеру, он избегал тесного общения со своими коллегами – «директорами департаментов», как мы в шутку именовали друг друга».

«К дипслужбе непригоден»

Громыко несказанно повезло. Репрессии расчистили ему стартовую площадку. Через несколько месяцев его вызвали к Сталину, что было фантастической редкостью. Даже среди полпредов лишь немногие имели счастье лицезреть генерального секретаря. В кабинете вождя присутствовал Молотов. Он, собственно, и устроил эти смотрины – показывал Сталину понравившегося ему новичка.

– Товарищ Громыко, имеется в виду послать вас на работу в наше полпредство в Америке в качестве советника, – сказал Сталин. – В каких вы отношениях с английским языком?

– Веду с ним борьбу и, кажется, постепенно одолеваю, – доложил будущий министр, – хотя процесс изучения сложный, особенно когда отсутствует необходимая разговорная практика.

Вождь дал ему ценный совет:

– Когда приедете в Америку, почему бы вам временами не заходить в американские церкви, соборы и не слушать проповеди церковных пастырей? Они ведь говорят четко на английском языке. И дикция у них хорошая. Ведь недаром русские революционеры, находясь за рубежом, прибегали к такому методу совершенствования знаний иностранного языка.

В октябре 1939 года Громыко отправился в Вашингтон, где старательно изучал не только английский язык, но и историю, экономику и политику Соединенных Штатов. Андрей Андреевич не терял времени даром и не позволял себе наслаждаться заграничной жизнью. Это помогло ему стать выдающимся дипломатом и сделать блистательную карьеру. Конечно, к этому следует добавить его особое везение.

Советник полпредства в Вашингтоне Громыко руководил Бюро технической информации при полпредстве, созданном в 1939 году для сбора легальными средствами сведений, важных для отечественной промышленности, в первую очередь военной. Бюро было тем не менее засекречено.

Надо полагать, Сталин и Молотов посылали Громыко на смену тогдашнему полпреду Константину Уманскому, в котором они уже несколько разочаровались. Но началась война, отношения с Вашингтоном внезапно приобрели особую важность, и послом (указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1941 года полпредов произвели в чрезвычайные и полномочные послы) в Соединенных Штатах назначили Литвинова. Максиму Максимовичу молодой Громыко не понравился.

Анатолий Федорович Добрынин, который позднее тоже был послом в Соединенных Штатах, смеясь, говорил:

– Каждый посол писал характеристики своим подчиненным. Ветераны утверждали, что Литвинов написал такую характеристику: Громыко к дипломатической службе непригоден.

Максим Максимович сильно недооценил своего молодого подчиненного. Его самого в 1943 году отозвали, а Громыко занял его место. Назначение послом молодого дипломата, не имевшего политического веса, было маленькой мстью Сталина президенту Франклину Рузвельту за то, что союзники слишком долго не открывали второй фронт.

Много позже Молотов рассказывал:

– Я Громыко поставил – очень молодой и неопытный дипломат, но честный. Мы знали, что этот не подведет...

Новому послу в Соединенных Штатах исполнилось всего тридцать четыре года. Это был выросший в глубокой провинции человек, преподаватель марксизма-ленинизма, то есть догматик и начетчик по профессии. Что-то из этих догм засело в нем навсегда, что-то он сумел преодолеть. Все-таки Андрей Андреевич попал в Америку сравнительно молодым, старательно занимался самообразованием. Литвинов в силу своего характера, биографии и взглядов на

жизнь сохранял определенную самостоятельность в суждениях и действиях. Громыко же принадлежал к тем, кого называли «призывниками 1937 года», кто знал, что малейшее сомнение в мудрости начальства смерти подобно. Литвинов много жил за границей, неплохо понимал западных политиков и сам был в определенном смысле европейским человеком. Громыко свои университеты проходил в годы репрессий и воспитывался в духе ненависти к Западу.

Послания Громыко из Вашингтона того времени свидетельствуют о скудости анализа, примитивности взгляда на политику Соединенных Штатов, неспособности понять цели и намерения американцев. Провинциальный экономист Громыко еще не был готов разобраться в иной цивилизации. Со временем он проделает огромную эволюцию, многое поймет, но какие-то определяющие принципы западной демократии навсегда останутся для него загадкой.

К концу войны центр международной жизни начал перемещаться в Соединенные Штаты, и Громыко превратился в важнейшую фигуру большой дипломатии. В 1944 году Андрей Андреевич возглавил советскую делегацию в Думбартон-Оксе, где создавалась Организация Объединенных Наций. На конференции в Сан-Франциско в июне 1945 года от имени Советского Союза он подписал Устав ООН. Этот символический акт навеки закрепил за ним место в истории дипломатии. До конца жизни Громыко внимательно следил за делами ООН, считал ее своим детищем.

В апреле 1946 года Громыко утвердили постоянным представителем в ООН и дали ему ранг заместителя министра иностранных дел. Эпоха сотрудничества с западными державами заканчивалась, начиналась холодная война. Историки подсчитали, что в конце сороковых Громыко больше двадцати раз использовал право вето, данное постоянным членам Совета Безопасности, поэтому его и стали именовать «Господин «Нет».

Громыко быстро и квалифицированно исполнял указания Москвы, не знал усталости, и Молотов на него нарадоваться не мог. Из всех советских дипломатов он выделял именно Громыко. Андрей Андреевич по характеру был похож на Вячеслава Михайловича, да еще и прошел его школу, усвоил молотовский дипломатический стиль – сухой, жесткий, неуступчивый. Андрею Андреевичу не хватало только молотовской внутренней непреклонности, готовности отстаивать свои взгляды не только в спорах с иностранными дипломатами, но и с товарищами по партии, что было куда опаснее. Поддержка министра укрепила позиции Громыко.

Сохранилось письмо Громыко первому заместителю министра иностранных дел Андрею Януарьевичу Вышинскому от 26 марта 1946 года. Вышинский в свойственной ему барской манере упрекал Громыко в переборах с информацией из посольства. Посол отвечал, что упрек «совершенно необоснован», потому что не было оперативной связи. И приписал: «Вместо того, чтобы запросить и выяснить в чем дело, Вы рекомендуете мне «быстрее поворачиваться». Могу Вас заверить, что я поворачиваюсь достаточно быстро».

Громыко проработал за океаном девять лет. В 1948 году его вернули домой.

«В Москву мы возвращались пароходом, – вспоминала его дочь, Эмилия Громыко-Пирадова. – Вещи погрузили на советский пароход «Победа», а сами сели на шведский пароход «Грипсхольм», который отходил в более удобное для нас время, то есть раньше. Мы посетили Лондон, Стокгольм, Хельсинки... В обеденном зале на столе была крахмальная скатерть, посуда, приборы и хрусталь смотрелись изысканно. Все блестело. Когда мы прощались со stewardом, папа щедро расплатился с ним...»

Трагически сложилась судьба многих советских граждан, которые отплыли из Нью-Йорка на нашем теплоходе «Победа». Пароход был специально прислан за семьями советских работников, отработавших свой срок и возвращавшихся на родину. Когда пароход уже был на пути в Одессу, на нем вспыхнул пожар, причиной которого явилось небрежное хранение киноплёнки... Погибло свыше сорока человек».

Большинство пассажиров теплохода составляли армяне-репатрианты, которые после войны пожелали вернуться на историческую родину. Министерство государственной безопас-

ности доложило Сталину, что пожар возник в результате диверсии: американские агенты заложили горючий материал в Нью-Йорке.

Сталин приказал искать американских разведчиков среди самих репатриантов: они прибыли в СССР, чтобы поджечь нефтяные промыслы в Баку...

14 сентября 1948 года секретарь ЦК Георгий Максимилианович Маленков доложил вождю:

«Докладываю, что во исполнение указаний, изложенных в Вашей телеграмме о теплоходе «Победа» приняты следующие меры:

1. Министерством госбезопасности -

а) направлен и сегодня прибыл в Баку специальный уполномоченный МГБ СССР, заместитель министра госбезопасности т. Селивановский с группой ответственных работников в числе восьми человек;

б) направлен и сегодня прибыл в Ереван начальник Управления МГБ СССР т. Рогов с группой ответственных работников МГБ в числе семи человек.

Тт. Селивановский и Рогов получили задания в соответствии с указаниями, изложенными в Вашей телеграмме.

2. Постановлением Совета министров СССР от 14 сентября полностью и немедленно отменена репатриация в СССР зарубежных армян и воспрещен прием армянских переселенцев в Армению, откуда бы переселенцы ни направлялись».

Безумие носило тотальный характер...

Молотов назначил Андрея Андреевича еще одним первым заместителем министра. Вячеслав Михайлович открыто покровительствовал Громыко, а Вышинский столь же открыто не любил быстро растущего соперника, который к тому же был на четверть века моложе. Через год Молотова убрали, а министром сделали Вышинского.

Прощание с покровителем

Это были худшие годы для Громыко. Он слишком долго отсутствовал в Москве, не нажил опыта сложных чиновничьих интриг, доносов и подсиживаний. А Вышинский чувствовал себя в этом мире как рыба в воде. Конечно, Андрея Андреевича знал Сталин, и без санкции вождя ничего с ним сделать было нельзя. Но министр действовал исподтишка. Он капал на Громыко, старался на чем-нибудь его подловить, жаловался членам политбюро на недостаточную политическую зрелость своего заместителя, обвинил Громыко в том, что он виноват в неудачном экономическом соглашении с китайцами.

На XIX съезде партии Громыко избрали кандидатом в члены ЦК, но в июне 1952 года отправили послом в Англию. Это было очевидным понижением. Когда Громыко приехал в Лондон, резидент внешней разведки министерства госбезопасности, выяснив по своим каналам, что посол не в фаворе, отправил на него телегу в Москву. Громыко пришлось писать объяснение на имя Сталина. Все это могло поставить крест на его дипломатической карьере.

Борьба с Вышинским, в тот и без того мрачный период, наложила свой отпечаток на поведение Громыко. Он навсегда запомнил, что внутренняя дипломатия, то есть взаимоотношения с высокопоставленными чиновниками, важнее дипломатии внешней. В разговоре с молодыми дипломатами называл это «первой заповедью чиновника».

Громыко считал Вышинского самым большим интриганом и, вспоминая это время, говорил:

– Он погубил много людей.

Но тут же, как бы сочувственно, добавлял:

– Но и его жизнь поломала.

«Андрей Андреевич взялся было, оказавшись во временном полубезделье в Лондоне, – вспоминал его заместитель Владимир Семенович Семенов, – писать нечто вроде мемуаров – попал под бдительное око, еле выбрался из-под него, получив, кажется, выговор».

Работая послом в Лондоне, Громыко подготовил книгу «Экспорт американского капитала. Из истории экспорта капитала США как орудия экономической и политической экспансии». Книгу он выпустил под псевдонимом Г. Андреев. В 1956 году ученый совет Московского университета присвоил ему ученую степень доктора экономических наук. Так что позиции для перехода на научную работу были подготовлены. Но обошлось.

Сталин умер, и в МИД вернулся Молотов. Он немедленно отозвал Громыко из Лондона. В апреле 1953 года тот вернулся на прежнюю должность первого заместителя министра.

Андрей Андреевич понимал, что своей карьерой целиком и полностью обязан Молотову. Но чувство благодарности несколько не помешало ему участвовать в устроенной Хрущевым кампании дискредитации Молотова. На собрании партийного актива МИД в 1955 году первый заместитель министра Громыко резко критиковал своего начальника, говорил о необходимости обновления внешней политики. Молотов сидел в президиуме, вместе со всеми хлопал оратору и ничуть не обиделся на своего выдвигенца, поскольку в собственной долгой жизни сам часто поступал точно так же.

А уж когда Молотова громили на пленуме ЦК в 1957 году, его любимец Громыко поспешил бросить свою горсть земли в политическую могилу Вячеслава Михайловича. На этом знаменитом пленуме Андрей Андреевич даже пытался шутить, чего за ним вообще не водилось. Он со всей силой обличал Молотова, Маленкова и Кагановича:

– Эти люди всех нас считают подростками, которые, как говорят, под стол пешком ходят. Верно, многие из нас моложе некоторых участников антипартийной группы. Но согласитесь, что это не наша вина. Если уж и есть чья-либо в этом вина, то скорее наших родителей... Товарищи, даже буржуазия не может себе позволить такой роскоши, когда человек, потеряв-

ший всякую ценность для государственного руководства, занимает место. Пример: Черчилль. Он неплохо отслужил в интересах колониальной Британской империи, но, когда он потерял ценность, его отправили рисовать пейзажи. Я думаю, что тройку, а, может быть, и некоторых из тех, которые блокировались с этой тройкой, нужно тоже отправить рисовать пейзажи.

Зал весело смеялся.

Громыко говорил о том, что именно Хрущев руководит внешней политикой и все импульсы исходят от него и что он просто «преклоняется перед той огромной работой большой государственной важности», которую проводит Никита Сергеевич:

– Я не стесняюсь об этом говорить, хотя возглавляю в настоящее время наше дипломатическое ведомство. Если бы я не хотел и не желал бы об этом говорить, то ложно понимал бы престиж МИД.

И напоследок Громыко еще раз прошелся по своему крестному отцу:

– Хорошо, если бы Молотов мысленно отошел в середину зала и посмотрел на себя, говорящего с этой трибуны. Он увидел бы, какая это жалкая картина. Я не буду говорить о замечаниях Молотова; они надерганы в попытке вылить грязь на голову первого секретаря. Но Молотов не замечает, а, может быть, сейчас и замечает, что он испачкался этой грязью сам с головы до ног.

Когда Молотова в июне 1956 года во второй раз убрали из МИД, Громыко рассчитывал, что на сей раз уж точно он станет министром. Но Хрущев прислал на Смоленскую площадь своего любимца Дмитрия Трофимовича Шепилова. Для Громыко это стало ударом. Его сын, Анатолий Андреевич Громыко, рассказывал мне, что в тот день отец, который был фантастически сдержанным человеком, дал волю своим чувствам – взял грабли и пошел убирать двор на даче во Внукове...

Открытому, веселому Шепилову скучноватый первый зам не понравился. В его секретариате ждали, что Андрея Андреевича вот-вот уберут. Громыко, говорят, уже стал подбирать себе место в Академии наук.

«Мы вас похороним»

Барская любовь, как известно, недолга. Шепилова забрали назад в ЦК. На заседании президиума ЦК возникла дискуссия: кого назначить министром? Обсуждались две кандидатуры – Андрея Андреевича Громыко и Василия Васильевича Кузнецова, которого после смерти Сталина, когда шла перетряска кадров, сместили с поста председателя ВЦСПС.

Личных претензий к Кузнецову не было – просто срочно понадобилась его высокая должность руководителя советских профсоюзов. На нее пересадили Николая Михайловича Шверника, при Сталине возглавлявшего Президиум Верховного Совета. А главой Верховного Совета СССР (пост безвластный, но заметный) поставили Ворошилова – маршал, живая легенда, понадобился новому коллективному руководству страны, сильно в себе неуверенному, для солидности.

5 марта вечером на пленуме ЦК, когда наследники Сталина делили власть и посты, было решено назначить Кузнецова заместителем министра иностранных дел и отправить его в Китай в качества посла и представителя ЦК. Но от идеи услатить его в Пекин быстро отказались, и он остался в МИД. С 1955 года он тоже состоял в должности первого заместителя министра, как и Громыко.

Кузнецов казался членам президиума ЦК более предпочтительной фигурой. Инженер-металлург, он сделал порядочную карьеру в промышленности, накануне войны стал заместителем председателя Госплана, а потом уже оказался в профсоюзах. Но в глазах Хрущева опыт и вес Кузнецова были скорее недостатком: ему нужен был грамотный специалист-международник без собственного политического веса, который станет беспрекословно исполнять его указания.

Рассказывают, будто Хрущева отговаривали делать Громыко министром, отзывались о нем неважно: безынициативный, дубоватый. Но Никита Сергеевич внешней политикой намеревался заниматься сам и отмахнулся от возражений:

– Политику определяет ЦК. Да вы на этот пост хоть председателя колхоза назначьте, он такую же линию станет проводить.

В феврале 1957 года Андрей Андреевич был утвержден министром. Кузнецов, спокойный и невозмутимый, оставался у него первым замом двадцать лет, пока осенью 1977 года Василия Васильевича не перевели на повышение первым заместителем председателя Президиума Верховного Совета. Председателем был Брежнев, так что Кузнецов занимался всей работой аппарата. Вторым первым заместителем министра стал Николай Семенович Патолитчев, бывший секретарь ЦК КПСС. Он с Громыко не ладил и, на свое счастье, через год, в августе 1958 года, получил назначение министром внешней торговли.

Никита Сергеевич Хрущев много и охотно занимался международными делами. Члены президиума ЦК вдруг стали ходить чуть ли не на все приемы в посольства – даже на самые рядовые, куда обыкновенно и министр иностранных дел не приходит, вспоминал Виктор Михайлович Суходрев, личный переводчик высшего руководства страны. Еще недавно советские вожди были недоступны для иностранцев, и вдруг зарубежные дипломаты получили возможность запросто беседовать со всеми кремлевскими небожителями. Президиум ЦК – все одинаково невысокого роста, все очень полные – кроме сухощавого Анастаса Ивановича Микояна, в одинаковых костюмах появлялись среди дипломатов и не отказывались выпить рюмку-другую.

Хрущев стал – в отличие от мировой практики – во время коктейлей произносить тосты. На одном таком приеме после долгих рассуждений о соревновании капитализма и социализма разгоряченный Никита Сергеевич вдруг резюмировал свою страстную речь резкой фразой:

– Придет время, и мы вас похороним!

Эта фраза прогремела на весь мир. Ее восприняли как призыв к конфронтации. Суходрев считал, что Хрущев имел в виду историческую неизбежность победы коммунизма во всем мире. Но для всего мира эти слова прозвучали угрожающе, потому что подкреплялись быстрым наращиванием военной мощи Советского Союза.

Хрущев делал упор на личные контакты с руководителями других государств. Часто повторял:

– Лучше всего по всем спорным вопросам могут договориться именно руководители государств. А уж если они не договорятся, то как можно ожидать, что проблемы разрешат люди менее высокого ранга?

Министра иностранных дел он считал просто чиновником и самостоятельной роли для него не видел. Громыко был поставлен в весьма невыгодное положение. Скажем, вся подготовительная работа по возведению Берлинской стены в 1961 году – а разделение Берлина оказало огромное влияние на ситуацию в Европе – прошла мимо него.

Хрущев обращался к главе ГДР Вальтеру Ульбрихту через советского посла в Берлине Михаила Георгиевича Первухина. Посол тоже писал из Берлина лично Хрущеву и долго колебался, отправлять ли копию Громыко, зная, что Никита Сергеевич недолюбливал министра. Потом все-таки отправил, чтобы уж совсем не портить отношения с Громыко.

У Хрущева была мощная команда помощников. Громыко низвели до роли эксперта – приглашали, когда нужна была формулировка, совет, справка. Первую скрипку в выработке политики играло окружение Никиты Сергеевича. Громыко оставалась рутинная работа, малоинтересная для профессионала. Причем это все еще было время, когда дипломаты не столько договаривались, сколько грозили друг другу.

Едва Андрей Андреевич стал министром, как ему поручили составить обращение к премьер-министру Норвегии Эйнару Герхардсену, который принял решение о вступлении страны в НАТО. Это было не дипломатическое послание, а самая настоящая угроза:

«Норвежскому народу пришлось бы дорого расплачиваться за свои базы, построенные в Норвегии, если бы планы стратегов НАТО нашли свое осуществление... В ответ на агрессивные действия против СССР мы были бы поставлены перед необходимостью принять самые энергичные меры с тем, чтобы нанести сокрушительный удар по агрессору, в том числе и по базам, расположенным вблизи наших границ».

Каждую неделю в Москву приезжал иностранный гость. Сам Хрущев часто и надолго ездил за границу. С серьезными дипломатическими поручениями Никита Сергеевич посылал за границу то своего нового выдвиженца Фрола Романовича Козлова, которого забрал в Москву с поста первого секретаря Ленинградского обкома, то Анастаса Ивановича Микояна, то своего зятя – главного редактора «Известий» Алексея Ивановича Аджубея.

Хрущев исходил из того, что не боги горшки обжигают, и любой может справиться с дипломатической миссией. Он не учитывал, что хитрые и опытные советские чиновники, приезжая на Запад, имели дело с очень достойными партнерами, такими же мастерами демагогии, только более свободными в своих действиях.

Прусские традиции

В апреле 1958 года в Западной Германии побывал первый заместитель главы правительства Анастас Микоян. Проинструктированный в Москве, он начал переговоры с канцлером ФРГ Конрадом Аденауэром в атакующем стиле – напомнил о том, что кайзеровская Германия после Октябрьской революции оккупировала значительную часть России и поставила Советское правительство в трудное положение.

Аденауэр легко парировал его слова:

– Не забывайте, пожалуйста, что кайзеровская Германия в немалой степени помогла Ленину и его сторонникам прийти к власти, предоставив большевикам немалую сумму – двадцать миллионов марок золотом!

Канцлер не упустил случая напомнить и о секретных военных контактах рейхсвера и Красной Армии, и о позорном разделе Польши Сталиным и Гитлером.

После беседы канцлер давал завтрак в честь советской делегации. Министр иностранных дел Генрих фон Брентано доложил канцлеру, что накануне на ужине Микоян выступил с речью, полной нападок на Федеративную Республику.

Канцлер сказал Анастасу Ивановичу:

– Послушайте, господин Микоян, я слышал о вашей вчерашней речи. Вам не следует этого делать у меня. Иначе вы вынудите меня отвечать вам очень резко, а я бы хотел этого избежать.

Микоян ответил, что считает свою предстоящую речь очень дружественной.

– Дорогой господин Микоян, – предложил хитрый канцлер, – посмотрите, с какой речью я выступлю.

Конрад Аденауэр, словно в знак особого доверия, прочитал ему выдержки из своего выступления. А потом попросил и Микояна показать его выступление, чтобы убедиться, действительно ли оно дружественное. Микоян, поколебавшись, сунул руку в карман и вытащил текст. Аденауэр внимательно выслушал перевод и попросил вычеркнуть некоторые острые фразы. Анастасу Ивановичу ничего не оставалось, кроме как согласиться. После этого они спустились на нижний этаж, где в банкетном зале уже собрались остальные гости. Аденауэр знал, что советский гость в юности окончил духовную семинарию в Тифлисе, даже проучился один год в Эчми-адзинской духовной академии и едва не стал священником. Канцлер поинтересовался у Микояна, отчего тот отказался от такого достойного занятия. Микоян рассказал, что незадолго до посвящения в сан его вдруг охватили величайшие сомнения: он утратил веру в Бога. В этот период душевного смятения ему попала в руки книга Карла Маркса «Капитал». Она явилась для него откровением.

Аденауэр удивленно взглянул на Микояна:

– Я тоже однажды заглядывал в «Капитал», но совершенно не понял его.

– Я и сам понял только со второго раза, – признался Микоян.

Неизвестно, поверил ли Аденауэр в то, что его собеседник действительно освоил этот серьезнейший научный труд. Судя по тому, что всю свою взрослую жизнь делал и говорил Микоян, Марксовы идеи так и остались для него тайной за семью печатями.

Западногерманский канцлер Аденауэр не без юмора описывал, как к нему явился советский посол Андрей Андреевич Смирнов, чтобы передать очередную порцию недовольства Москвы. Посол заговорил о том, что советское правительство обеспокоено разговорами западногерманских генералов о продолжении традиций немецкой армии. Аденауэр ответил, что ему такие высказывания немецких генералов неизвестны. Но он, напротив, помнит свой визит в Москву и выстроенный при встрече почетный караул.

– Выправка советских солдат и их подчеркнута чеканный строевой шаг, по-моему, были вполне в духе прусской и царской традиций, – заметил канцлер. – Вот такого рода традиции как раз и не культивируются в бундесвере.

Тогда советский посол перешел к разговору о том, что в Федеративной Республике появляется очень много тенденциозных публикаций и фильмов, искаженно изображающих советскую действительность. Смирнов привел в пример три приключенческих фильма, которые незадолго до этого демонстрировались в ФРГ, – «Врач из Сталинграда», «Тайга», «Шелковые чулки». Аналогичная картина и в области литературы, говорил посол: издается много книг, отравляющих атмосферу.

– Что было бы, если бы Советский Союз стал платить той же монетой? – внушительно заявил посол. – Ведь материала для этого предостаточно. В советском народе во времена войны и оккупации накопилось столько ненависти, что было бы совсем нетрудно вновь разбудить ее, прибегнув к соответствующим публикациям. Но к чему бы это привело?

Канцлер был готов и к такому повороту беседы.

– Иногда происходят очень странные вещи, – задумчиво сказал Аденауэр. – Сегодня утром я получил письмо от одного очень умного человека, который озабочен тем, что в Федеративной Республике показывают слишком много советских фильмов, которые являются пропагандистским материалом в пользу Советской России. А вчера руководитель моего ведомства печати фон Эккардт принес мне сводку последних нападков советской прессы на Федеративную Республику, хотя я его об этом не просил. Позволю себе передать ее теперь вам, господин посол.

Овсяный суп для госсекретаря

Хрущев мечтал быть принятым в клуб лидеров великих держав. Ему хотелось, чтобы его уважали не только как главу Советского Союза, но и как деятеля мирового масштаба. Для этого в первую очередь следовало установить контакты с Соединенными Штатами. Но Никита Сергеевич не знал, как подступиться к этой задаче. Казалось, что отношения между двумя странами безнадежно испорчены.

В мае 1957 года Хрущев дал интервью американской газете «Нью-Йорк тайме»:

«Если говорить о международной напряженности, то дело, очевидно, сводится в конечном счете к отношениям между двумя странами – Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки... Мы считаем, что если Советский Союз сможет договориться с Соединенными Штатами, то тогда нетрудно будет договориться и с Англией, Францией и другими странами».

Против этого тезиса возражал Молотов, который считал неправильным преувеличивать роль США. Но Хрущеву меньшие по масштабам и мощи державы не казались достойными партнерами. Правда, он сам не очень верил, что договориться с американцами будет легко:

– Если бы, допустим, встретились наш министр Громыко и ваш секретарь Даллес, то они за сто лет ни до чего не договорились бы, и, может быть, только внуки дождались бы каких-либо результатов от этих переговоров.

Летом 1959 года в Москву приехал вице-президент США Ричард Никсон. Через десять с лишним лет Никсон вернется в Москву в качестве президента и будет вести плодотворные переговоры с Брежневым. Но это уже будет другой Никсон и другая Москва. А в пятьдесят девятом это был скорее бой на ринге.

Официальная цель поездки Никсона состояла в том, чтобы открыть 24 июля в парке Сокольники первую американскую выставку. Советская выставка уже прошла в Нью-Йорке. Кроме того, Никсону предстояло пригласить советского руководителя в Америку.

Упор на выставке в Сокольниках делался на производстве потребительских товаров в США. Американцы развернули студию цветного телевидения, которого в Советском Союзе еще не видели. Американцы предлагали устроить в студии живые дискуссии, которые будут в прямом эфире транслироваться по телевизионной сети выставки.

Председатель госкомитета по культурным связям с зарубежными странами Георгий Александрович Жуков доложил в ЦК КПСС, что заявил протест американскому представителю: «Я еще раз подчеркнул, что мы считаем абсолютно неприемлемым проведение на выставке и тем более показ по телевидению каких-либо дискуссий».

С книжной выставки изъяли всю «сомнительную» литературу. Самыми неприятными были сведения о доходах американцев, но тут поделаться ничего не смогли. Тогда ограничили число тех, кому достанутся билеты, а также предписали выделить «специальных людей из числа членов партии, комсомольцев и беспартийного актива для организации критических записей в книге отзывов посетителей, имея в виду критику американского образа жизни».

Известный историк Сергей Сергеевич Дмитриев записал в дневнике:

«26 июля 1959 года. Ажиотаж вокруг американской выставки сильнейший. Билеты распространяются через партийные организации. Это так умно, что граничит со смешным... Власти делают все, чтобы отвлечь людей от американской выставки. С большим шумом на другом конце метро (выставка в Сокольниках) – в Лужниках открыли, едва ли не впервые за сорок два года жизни советской Москвы, ярмарку. Всячески туда народ отвлекают – слухи пустили, будто там любые дефицитные товары найдешь. На деле стоят дикие очереди на солнышке – тени в Лужниках нет, асфальт кругом, раскаленный в котловине.

В Третьяковке открыли поспешно выставку Рериха. В Манеже бешеным темпом гонят работы по подготовке к открытию выставки чешского стекла. Срочно открыли Главный Бота-

нический сад Академии наук СССР, который вот уже несколько лет подряд все обещали открыть. На Кузнецком и в Парке культуры имени Горького открыли еще несколько выставок.

В печати ежедневно «разоблачительные» материалы об ужасной жизни в США, о голоде, безработице, преследованиях негров, пожарах в школах, преступлениях малолетних, о том, что США буквально пожирают клопы, крысы и прочая нечисть. Все, что показывает американская выставка, – вранье, очковтирательство, пропаганда, если судить по страницам советских газет. В воздухе стоит дым от вранья...»

Никсон долго готовился к поездке, беседовал со всеми специалистами по Советскому Союзу, изучал личность Хрущева. Встретился с побывавшими в Вашингтоне двумя первыми замами Хрущева в правительстве – Анастасом Микояном и Фролом Козловым.

«В ходе длительных бесед со мной каждый из них подал несколько довольно быстрых и крученых мячей, – писал Никсон в одной из своих книг. – Но встреча с Хрущевым после бесед с ними – это все равно что игра с командой высшего класса после игры со слабаками. Он пускает в ход умопомрачительный набор различных приемов: сногшибательную скорость, крученые мячи, слабые и сильные подачи, весь арсенал трюков – и все это в сбивающем с толку темпе. Я нанес сотни протокольных визитов руководителям правительств многих стран, но никогда раньше глава правительства не встречал меня тирадой нецензурных слов, переводя которые на английский его переводчик краснел».

Канцлер ФРГ Конрад Аденауэр сказал Никсону:

– Нет сомнения, что Хрущев хочет править миром. Но одновременно он не хочет войны. Он не собирается править разрушенными городами и мертвецами.

Канцлер вспомнил, как во время переговоров в Москве Хрущев взорвался:

– Я прежде увижу вас в аду, чем соглашусь с вами по этому вопросу!

Аденауэр реагировал немедленно:

– Если вы увидите меня в аду, то лишь потому, что первым туда попадете.

После этой перепалки разговор пошел легче.

Никсон попросил совета и у бывшего государственного секретаря Джона Фостера Даллеса, который уже был болен раком и знал о своей скорой кончине. Он ничего не мог есть и испытывал такие боли, что заснуть мог только после большой дозы успокоительного. Но днем Даллес отказывался принимать наркотические препараты, боясь, что они могут повлиять на его умственные способности. Никсону он сказал, что, когда начинается напряженная работа, требующая от него полной сосредоточенности, он не чувствует боли.

Незадолго до смерти Даллес успел совершить большую поездку по Европе. В феврале 1959 года он прилетел в Бонн. Его встретил Конрад Аденауэр, который ужаснулся, увидев госсекретаря. В машине Даллес сказал, что чувствует себя очень плохо, должен соблюдать строгую диету и не может поэтому принимать приглашения на официальные банкеты.

Аденауэр все же уговорил Даллеса присутствовать на ужине, повар приготовит для него овсяный суп, который подадут так, что никто из присутствующих не заметит, что госсекретарю принесли что-то особое. Даллес согласился. Овсяный суп ему явно понравился. Сменивший его на посту государственного секретаря Соединенных Штатов Кристиан Гертер, прилетев в Бонн на переговоры, передал канцлеру привет от Даллеса и просьбу дать рецепт овсяного супа, которым его угощали. Гертер признался, что подумал вначале, будто это зашифрованное послание.

Аденауэр послал Даллесу рецепт супа и несколько пакетиков овсянки, так как в Америке ее невозможно было разыскать. Когда в мае 1959 года Аденауэр приехал на его похороны, ему сказали, что овсянка была последним блюдом, которое Даллес ел перед кончиной. Когда Даллес скончался, шло совещание министров иностранных дел в Женеве.

Все министры отправились на похороны. Громыко ехать не хотел. Хрущев решил, что Андрей Андреевич не прав, и велел ему отправляться за океан:

– Даже приятно поприсутствовать на церемонии похорон своего врага.

Даллес провел последние дни в больнице «Уолтер Рид». Там его и посетил Ричард Никсон. Бывший госсекретарь постоянно сосал кубики льда, чтобы смягчить жжение в горле. Никсон спросил его:

– Что прежде всего я должен постараться довести до сознания Хрущева?

Даллес никогда не спешил с ответом, но на сей раз он задумался дольше обычного.

– Нет нужды убеждать Хрущева в наших добрых намерениях. Он знает, что мы не угрожаем безопасности Советского Союза. Но он должен знать, что мы и его понимаем. Хрущев говорит, что он за мирное сосуществование. Он имеет в виду, что восстание против некоммунистического правительства – дело правое, и его следует поддерживать, а восстание против коммунистического правительства, как это он показал в Венгрии, дело всегда неправое, и его следует подавлять. Таким образом, мирное сосуществование, за которое он выступает, – это мир для коммунистических стран и постоянная внутренняя борьба и конфликты для некоммунистических стран. Нужно дать ему понять, что ему не удастся получить и то и другое.

Схватка с вице-президентом

Через два месяца Никсон прилетел в Москву. Его сопровождали брат президента Милтон Эйзенхауэр и знаменитый адмирал Хаймэн Риквер, отец атомного подводного флота. Встречал их первый заместитель главы советского правительства Фрол Козлов. Аэродром был пуст, если не считать дипломатов и корреспондентов.

Американским послом в Советском Союзе был Ллуэллин Томпсон, карьерный дипломат, который в первый раз приехал в Москву еще в 1939 году. Даже в самые опасные дни осени сорок первого, когда всех дипломатов эвакуировали в Куйбышев, Томпсон оставался в Москве. В 1957-м Эйзенхауэр назначил его послом в Москве.

Ллуэллин Томпсон увел Никсона в небольшую гостиную рядом со спальней посла на втором этаже и там рассказывал о ситуации в Москве. Контрразведчики гарантировали, что в этой комнате (единственной во всем посольстве!) нет подслушивающих устройств.

Никсон лег спать пораньше, но из-за большой разницы во времени ему не спалось. В половине шестого утра он встал, разбудил своего помощника и вместе с советским охранником, который одновременно исполнял обязанности переводчика и водителя, поехал на Даниловский рынок. Когда вице-президент был мальчиком, он работал в лавке отца и рано утром ездил с ним на рынки в Лос-Анджелесе, чтобы к открытию лавки доставить свежие фрукты и овощи. Ему хотелось сравнить рынки. Американца встретили очень доброжелательно, предлагали ему фрукты и овощи, от денег отказывались. Он почти час ходил по рынку. Вице-президента поразила только одна деталь: он увидел две пары весов – одними пользовался продавец, другими покупатель, чтобы перевесить покупку и убедиться, что его не обвесили. Понятие «контрольные весы» ему было незнакомо.

У Никсона выпрашивали билеты на американскую выставку. Решив, что билеты дороги для этих людей, он попросил помощника дать им сто рублей. Но все засмеялись: билеты нельзя было достать ни за какие деньги.

Посещение рынка было незапланированным и разозлило хозяев. «Правда», «Известия», «Труд» негодуя обвинили Никсона в попытке «подкупить» и «унизить» советского человека: он пытался раздавать деньги, позируя американским фотоаппаратам.

Встречи в Кремле начались в кабинете маршала Ворошилова, председателя Президиума Верховного Совета СССР. Потом гостя отвели в кабинет Хрущева. Когда американцы вошли, Никита Сергеевич демонстративно рассматривал модель спутника, отправленного на Луну.

«Я чувствовал, что он находится в раздраженном состоянии, – вспоминал Никсон. – Он все время оглядывал меня с ног до головы, как портной может оглядывать клиента, чтобы сшить ему костюм, или, скорее, как похоронных дел мастер оглядывает будущего покойника, чтобы подобрать ему гроб».

Хрущев был страшно недоволен тем, что американский конгресс принял резолюцию в поддержку стран, поработанных Советским Союзом. Стуча кулаком по столу, Хрущев заявил, что считает это серьезной провокацией. Никсон попытался объяснить, что конгресс не подчиняется исполнительной власти. Хрущев никак не мог остановиться.

– Эта резолюция воняет! – кричал он, стуча по столу.

Он выражал свои эмоции с помощью непечатных слов, выходящих столь далеко за рамки дипломатического языка, что Олег Александрович Трояновский, его молодой переводчик, густо покраснел и не без колебаний перевел его слова.

Хрущев сам приехал на открытие выставки. Он не уставал спорить и пытался поддеть Никсона:

– Американцы потеряли умение торговать. Вы постарели и не торгуетесь, как раньше. Вам надо влить свежие силы.

– А вам надо иметь товары, чтобы торговать, – нашелся Никсон.

Хрущев заговорил о том, что Советский Союз желает жить в мире, но готов защитить себя в случае войны. Он обещал, что Советский Союз через семь лет достигнет уровня развития Соединенных Штатов:

– Когда мы догоним вас и станем вас обгонять, мы помашем вам рукой. Если вы захотите, мы остановимся и скажем – пожалуйста, догоняйте нас...

Он остановил какого-то человека на выставке и восторженно сказал Никсону:

– Ну, какие это рабы? Имея людей с таким духом, как мы можем проиграть?

Никсон старался сдерживать себя, он был всего лишь вице-президентом и гостем.

– Вы не должны бояться обмена идеями, в конце концов, вы ведь всего не знаете...

– Если я всего не знаю, – оборвал его Хрущев, – то вы ничего не знаете о коммунизме, кроме того, что боитесь его.

Проходили мимо бакалейной лавки. Никсон сказал:

– Может быть, вам будет интересно узнать, что у моего отца была небольшая лавка в Калифорнии и все мальчики в нашей семье, учась в школе, одновременно работали в этой лавке.

Хрущев презрительно отмахнулся и фыркнул:

– Все торговцы – воры!

Никсон ответил:

– Воры бывают везде. Я видел сегодня, как люди перевешивают продукты, купленные в государственном магазине.

Они остановились в павильоне, где были выставлены образцы кухонной техники. Здесь и состоялся знаменитый кухонный спор. Заговорили сначала о достоинствах разных стиральных машин. Тут Никсон решил объяснить, что не только богатые американцы могут купить дом, представленный на выставке.

– Это типичный для Соединенных Штатов дом, – рассказывал вице-президент, – его стоимость четырнадцать тысяч долларов – эти деньги можно выплачивать двадцать пять-тридцать лет. Большинство рабочих могут купить себе такой дом.

Хрущева ничто не могло смутить. Он, не моргнув глазом, выпалил:

– У нас тоже найдутся рабочие и крестьяне, которые могут выложить четырнадцать тысяч долларов наличными за жилье.

Никита Сергеевич убежденно говорил о том, что капиталисты строят дом всего на два десятилетия, а в Советском Союзе дома строятся так, чтобы они остались и детям и внукам.

– Вы думаете, что русские будут поражены этой выставкой? Для того чтобы американец мог купить такой дом, он должен иметь очень много долларов, а у нас достаточно быть гражданином страны. Если у американца нет долларов, его право купить подобный дом превращается в возможность ночевать под мостом.

Никсон пытался ему возражать:

– Мы не считаем, что эта выставка поразит советский народ, но она заинтересует его точно так же, как ваша выставка заинтересовала нас. Разнообразие, право выбора, тот факт, что дома строят тысячи различных фирм, – вот что важно для нас. Мы не хотим, чтобы какой-то один высокопоставленный государственный чиновник принимал решения и говорил, что мы будем иметь дома одного типа.

Хрущев ответил, что лучше иметь одну модель стиральной машины, чем много разных.

Никсон заметил:

– Не лучше ли сравнивать качества наших стиральных машин, чем мощь наших ракет? Разве не такого соревнования вы хотите?

– Да, мы хотим такого соревнования! – закричал Хрущев. – Это ваши генералы кричат о ракетах, а не о кухонной утвари, это они грозят нам ракетами, это они хорохорятся, что

могут стереть нас с лица земли. Но этого мы, конечно, никому не позволим сделать. А тем, кто попытается, мы покажем, как говорят у нас в России, кузькину мать. Мы сильны, мы можем побить вас.

Никсон гнул свою линию:

– По моему мнению, вы сильны, и мы сильны. В некотором отношении вы сильнее нас, а в другом – мы сильнее. Но мне кажется, что в наш век спорить, кто сильнее, – занятие совершенно бесполезное... Для нас спор, кто сильнее, не имеет смысла. Если начнется война, обе наши страны проиграют.

Хрущев стал шутить:

– Четвертый раз мне приходится говорить, и я не узнаю моего друга господина Никсона. Если все американцы с вами согласны, то с кем же тогда мы не согласны? Ведь мы же именно этого и хотим.

Но Никсон не отставал:

– Когда мы садимся за стол переговоров, нельзя требовать, чтобы все было так, как хочет одна сторона. Одна сторона не может предъявлять ультиматум другой.

Хрущеву слова вице-президента не понравились.

– Мне показалось, что вы угрожаете мне. Мы тоже гигантская страна. Если вы будете нам угрожать, мы ответим угрозой на угрозу.

– Я не угрожал вам. Мы никогда не станем прибегать к угрозам, – отвечал Никсон.

– Вы косвенным образом угрожали мне, – возбужденно воскликнул Хрущев. – У вас кое-что есть, и у нас кое-что есть, и к тому же получше вашего! Это вы хотите соревноваться в гонке вооружений.

– Мы прекрасно знаем, что у вас есть. Для меня не имеет существенного значения, чьи ракеты и бомбы лучше.

Спор закончился. Вице-президент положил руку на плечо Хрущеву и сказал:

– Боюсь, я плохо выполнил роль хозяина.

Хрущев обратился к девушке-гиду:

– Благодарю вас, хозяйюшка, за то, что вы любезно предоставили нам возможность провести эту дискуссию на кухне.

Пошли дальше по выставке. Никсон и Ворошилов оказались впереди. Хрущев шел сзади. Никсон обернулся и пригласил Никиту Сергеевича присоединиться к ним. Хрущев с сардонической улыбкой ответил:

– Вы идите с президентом, а я знаю свое место.

Тосты и прогулки

Вечером на официальном открытии выставки Никсон произнес заранее подготовленную речь, которая была опубликована в «Правде» и «Известиях». Вице-президент говорил на крайне болезненную для советских лидеров тему – о том, сколько американских семей владеет автомобилями, телевизорами, сколько имеет собственные дома.

– Цифры наглядно свидетельствуют о том, что Соединенные Штаты, крупнейшая в мире капиталистическая страна, подошли, с точки зрения распределения благ и богатств, ближе всего к идеалу всеобщего благосостояния в бесклассовом обществе.

Этого Хрущев не мог вытерпеть. Он подскочил и стал возражать. Но Никсон его остановил:

– Слово предоставлено мне. Теперь моя очередь говорить.

После обмена речами Никсон подвел Хрущева к столу с калифорнийскими винами. Хрущев предложил выпить «за мир и ликвидацию всех военных баз на чужой территории».

Никсон не хотел поднимать тост против собственных вооруженных сил и уточнил:

– Давайте просто выпьем за мир.

Начался спор о военных базах, но кто-то провозгласил тост за долголетие Хрущева. Никсон был рад сменить тему:

– Выпьем за это. Мы можем не соглашаться с вашей политикой, но хотим, чтобы вы были в добром здравии. За то, чтобы вы дожили до ста лет!

Они выпили, но Хрущев решил оставить последнее слово за собой:

– Когда нам будет по девяносто девять лет, мы продолжим обсуждение этих вопросов.

Но в такой пикировке Никсон был в своей тарелке и позволил себе довольно рискованное замечание:

– Вы хотите сказать, что в девяносто девять лет вы все еще будете у власти и у вас в стране по-прежнему не будет свободных выборов?

Хрущев пригласил вице-президента на дачу (по словам Никсона, «это было одно из роскошнейших имений, которые мне когда-либо приходилось видеть») и предложил прокатиться по Москве-реке, «чтобы посмотреть, как живут рабы».

Восемь раз Хрущев останавливал катер, чтобы поздороваться за руку с купающимися.

– Скажите, вы порабощенные, вы рабы?! – кричал он им.

– Нет, нет! – отвечали отдыхающие.

После этого Хрущев тыкал пальцем Никсону под ребра и торжествующе говорил:

– Видите, как живут наши рабы!

На обратном пути катер сел на мель. Никсону показалось, что Хрущев сейчас просто расстреляет рулевого. Когда они пересаживались в другую лодку, чтобы продолжить поездку, вице-президент, оглянувшись на рулевого, увидел «самого несчастного человека на свете»... После прогулки был устроен обед на лужайке перед дачей под березами.

Хрущев практически не прикоснулся к спиртному и был абсолютно трезв. Микоян пытался завязать разговор с женой американского президента Пэт Никсон, которая сидела справа от Хрущева. Никита Сергеевич его немедленно оборвал:

– Послушай, ты, хитрый армянин! Госпожа Никсон принадлежит мне. Разговаривай на своей стороне стола.

Он пальцем провел линию посреди стола и сказал:

– Это железный занавес. Не смей его переступить!

Хрущев очень рекомендовал гостям рыбу:

– Это любимое блюдо Сталина. Он говорил, что такая рыба укрепляет организм.

Микоян рассказывал Никсону, как Сталин вызывал их всех ночью, и заметил:

– Мы спим гораздо лучше с тех пор, как нами руководит товарищ Хрущев.

Улыбнувшись, он добавил:

– Думаю, вы понимаете, что я имею в виду.

Дальше разговор пошел на военные темы. Хрущев рассказывал о том, что неделю назад Советский Союз запустил межконтинентальную баллистическую ракету, которая пролетела семь тысяч километров и отклонилась от цели меньше чем на два километра. Никита Сергеевич, перегнувшись через стол, сказал Никсону, что сообщит ему сейчас нечто секретное:

– У одной из баллистических ракет отказала система отключения двигателей, и ракета пошла мимо цели – дальше, к Аляске. Но к счастью, упала все-таки не на Аляску, а рухнула в океан.

Хрущев говорил, что Советский Союз уже располагает достаточным количеством ракет среднего и дальнего радиуса действия, чтобы уничтожить всех противников в Европе и разрушить основные города в Соединенных Штатах. Никита Сергеевич не сомневался, что его вооруженные силы способны в первый же день войны уничтожить Германию, Францию и Англию. Конечно, Советский Союз тоже понесет потери, заметил первый секретарь ЦК КПСС, но европейские страны просто превратятся в пустыню. Дальше Никсон повел себя как заправский разведчик. Поскольку американцы плохо представляли себе ситуацию в советских вооруженных силах, то он стал допытывать Хрущева специальными вопросами:

– Почему Советский Союз продолжает строить бомбардировщики, если вы довольны количеством ракет и точностью их попадания?

Никита Сергеевич ответил, что производство бомбардировщиков почти прекращено, потому что ракеты точнее. Кроме того, люди иногда не в состоянии сбросить бомбы на цель из-за эмоциональной реакции, а на ракеты можно положиться.

– Сожаление вызывает судьба моряков, – заметил Хрущев. – За исключением подводных лодок флот совершенно устарел. Крейсера и авианосцы – это просто мишени для ракет, и я прекратил строительство больших надводных кораблей.

Никсон знал, что Соединенные Штаты опередили Советский Союз в создании подводных лодок, которые могут запускать ракеты из-под воды. Никсон поинтересовался, много ли удалось добиться. Хрущев ответил, что советские военные считают запуск ракет с суши более эффективным, чем с моря.

Никсону было известно, что США ушли вперед в создании твердого топлива для ракет, и он поинтересовался, каковы успехи советских ученых. Хрущев ответил, что он политик, а не технический специалист, и некомпетентен в этом вопросе.

Тут Пэт Никсон вмешалась в разговор. Она рассмеялась:

– Оказывается, существует какой-то вопрос, который господин Хрущев не может обсуждать. Мне казалось, что господин Хрущев все держит в руках и все знает.

Все рассмеялись. Микоян заметил:

– Даже у Никиты Сергеевича недостаточно рук, чтобы всем заниматься, и он нуждается в помощи.

Хрущев вновь и вновь возвращался к разговору о разрушительных возможностях советских ракет, настойчиво повторял, что Советский Союз превосходит Соединенные Штаты по ракетам, а против ракет нет защиты. С веселой улыбкой он пересказал анекдот, придуманный англичанами:

– Пессимист говорит, что для уничтожения Англии достаточно шести атомных бомб, а оптимист утверждает, что понадобится девять или десять.

Никсон пришел к выводу, что Хрущев вовсе не таков, каким он хочет казаться. Большая ошибка считать его человеком, который способен начать войну в припадке гнева или выпив лишку. Когда обсуждаются серьезные вопросы, он трезв, холоден и невозмутим. Никсон составил себе представление о дипломатической тактике советского лидера. Во-первых, Хрущев

требует того, на что не имеет права претендовать. Во-вторых, он угрожает войной, если не получает требуемого. В-третьих, он обвиняет других в том, что они создают угрозу миру, отказываясь принимать его требования. В-четвертых, в уплату за мир он получает как минимум половину того, на что без всяких оснований претендовал вначале.

Скандал с президентом

У президента Дуайта Эйзенхауэра сложилось о Хрущеве лучшее впечатление, чем у Никсона. В том же 1959 году Никита Сергеевич побывал в Америке. Ему очень хотелось поехать, но одновременно он боялся, вспоминает посол Олег Гриневский. Сможет ли он достойно вести переговоры с западным миром? Вдруг его за ровню не сочтут? Заманят, а потом унизят, по носу щелкнут, попытаются запугать, чтобы сделать уступчивее на переговорах. От Запада ведь всегда ждали подвоха. И в его окружении охотно нажимали на эту мозоль. С одной стороны, говорили о Западе с презрением, с другой – пугали. Однако встретили его очень доброжелательно. По словам Виктора Суходрева, американцам импонировал простой и откровенный человек, который обращался к ним без дипломатических ухищрений.

Поездка в Америку произвела на Хрущева сильнейшее впечатление. Он увидел, как можно жить. Отношение к американцам резко изменилось. Хрущев решил, что с Америкой надо дружить. На следующий год, в июне 1960-го, в Москве с ответным визитом ждали Дуайта Эйзенхауэра. Приезд американского президента мог стать важным событием, которое уменьшило бы враждебность между двумя странами. Но, как это часто бывает в мировой политике, пагубную роль сыграли спецслужбы. Американские разведчики уговорили Эйзенхауэра продолжить полеты самолетов-разведчиков У-2 над советской территорией.

У-2 был создан во время холодной войны, чтобы следить за Советским Союзом. Первый полет состоялся в августе 1955 года. Самолет У-2 способен летать и ночью и днем, в любую погоду: он снабжен всеми видами фотооборудования и радиолокатором. Но скорость У-2 – семьсот километров в час – сравнительно небольшая, что делает самолет уязвимым.

1 мая 1960 года американский самолет-разведчик, пилотируемый Фрэнсисом Гэри Пауэрсом, был сбит над Свердловском. Яков Петрович Рябов, бывший первый секретарь Свердловского обкома КПСС, рассказывал мне:

– Это произошло прямо на моих глазах, когда мы собрались на демонстрацию. Погода была чудесная, солнечная, но прохладная. Стоим, вдруг вижу: прямо над головой возникли два огромных белых шара. Я еще удивился: что это такое? Первый раз такой фейерверк вижу.

Гэри Пауэрс выпрыгнул с парашютом и остался жив. В Москве это скрывали. Но заместитель министра иностранных дел Яков Александрович Малик выдал секрет одному из послов. Хрущев пришел в бешенство. Малик сохранил должность, но эта история, пишет посол Дмитрий Федорович Сафонов, стала для него ударом, возможно, сыгравшим роковую роль в преждевременном уходе из жизни: «С тех пор редко доводилось мне видеть его таким жизнерадостным и энергичным, каким он представлялся мне раньше»...

В Министерство иностранных дел вызвали норвежского посла Оскара Гундерсена. Сотрудник норвежской референтуры Виктор Федорович Грушко (будущий генерал-полковник и первый заместитель председателя КГБ) вспоминал, как мрачный Громыко заявил протест норвежскому правительству: американский самолет-разведчик должен был приземлиться на норвежском военном аэродроме в Будё, следовательно, территория Норвегии используется в агрессивных целях. Посол пытался возражать.

– Я не стану с вами больше говорить на эту тему, – небывало резко отрезал Громыко. – Сказанное мной является неопровержимым фактом. Доложите об этом своему правительству. Это все. Вас я слушать больше не желаю.

В истории с У-2 и Хрущев, и Эйзенхауэр повели себя неразумно. Никита Сергеевич стал требовать от американского президента извинений, хотя главы государств никогда не принимают на себя ответственность за своих шпионов – именно для того, чтобы нормальные межгосударственные отношения могли продолжаться. А Эйзенхауэр стал защищать право Америки проводить разведывательные полеты, что еще больше разозлило Хрущева.

В мае Хрущев и Эйзенхауэр должны были увидаться в Париже на встрече лидеров четырех ведущих держав. Едва все собрались, Хрущев заявил, что если президент Соединенных Штатов отказывается принести извинения, то Советский Союз отзывает свое приглашение, Эйзенхауэр не может быть гостем нашей страны...

На этом встреча закончилась.

Министр обороны маршал Родион Яковлевич Малиновский радостно поддержал Хрущева:

– Нечего с ними цацкаться.

Громыко на склоне лет писал в своей книге: «Я иду за Хрущевым, а в голове одна мысль: «Чистый выпендрей!» Хрущев теряет контроль над собой, что для государственного деятеля недопустимо». В воспоминаниях Громыко осуждал Хрущева за то, что он покинул парижскую встречу и сорвал визит Эйзенхауэра в СССР.

В реальности в тот момент Громыко думал и действовал несколько иначе. Сотрудник советского посольства в Париже Владимир Всеволодович Снегирев вспоминал, как для советской делегации привезли большой запас продовольствия. Чтобы добро не пропадало, в посольстве устроили большой ужин. Первый тост произнес министр обороны Малиновский:

– Мы здесь, в Париже, были свидетелями исторического события, когда наш дорогой Никита Сергеевич со свойственным ему умением загнал этого заживевшего буржуя в угол и заставил его извиняться.

Громыко не отставал и говорил о гениальности «нашего дорогого Никиты Сергеевича». Андрей Андреевич взирал на первого секретаря с показным восторгом, хотя непредсказуемость и импровизации Хрущева часто его пугали.

Николай Митрофанович Луньков, который был послом в Норвегии, вспоминает визит Хрущева в Осло. Во время прогулки Хрущев, его зять главный редактор «Известий» Алексей Иванович Аджубей и главный редактор «Правды» Павел Алексеевич Сатюков ушли вперед. Громыко сказал Лунькову:

– Вы поравняйтесь с Никитой Сергеевичем и побудьте рядом на случай, если возникнут какие-либо чисто норвежские вопросы.

В тот момент, когда Луньков приблизился, Хрущев оживленно говорил Аджубею и Сатюкову:

– Слушайте, как вы думаете, что, если у нас создать две партии – рабочую и крестьянскую?

При этом он оглянулся и выразительно посмотрел на Лунькова. Тот понял, что надо отстать. Посол на ухо пересказал Громыко то, что услышал. Громыко осторожно сказал:

– Да, это интересно. Но вы об этом никому не говорите.

История с ботинком

В сентябре 1960 года Хрущев отправился в Нью-Йорк на сессию Генеральной Ассамблеи ООН. Вместе со всей делегацией он плыл на турбоэлектроходе «Балтика». Это немецкое судно досталось советскому флоту после войны в качестве трофея, его назвали «Вячеслав Молотов». После изгнания Молотова с партийного Олимпа теплоход переименовали в «Балтику».

Никита Сергеевич жил в люксе «А» по левому борту. Рано утром он появлялся на палубе и дышал свежим воздухом. Гулял даже в сильнейший шторм. По судовому радио крутили его любимую песню «Рушничок». Время от времени поднимался на мостик, чтобы перемолвиться словом с капитаном Павлом Алексеевичем Майоровым. Вечером в музыкальном салоне смотрел фильмы. Ровно в одиннадцать уходил в свою каюту.

Но Хрущев не отдыхал, а работал – диктовал стенографисткам наброски своих будущих выступлений в Нью-Йорке. Никита Сергеевич не упускал случая поддразнить Громыко. Говорил своему окружению:

– Смотрите, как молодо выглядит Андрей Андреевич. Ни одного седого волоска. Сразу видно, что он сидит себе в своем уютном закутке и чаек попивает.

Громыко делал вид, что ему смешно.

В Нью-Йорке у экипажа турбоэлектрохода произошло неприятнейшее происшествие. В город отпустили группу механиков, и сбежал котельный машинист эстонец Виктор Яаниметс. Он попросил у американцев политическое убежище. В другой ситуации капитану судна не поздоровилось бы, но Никита Сергеевич не захотел поднимать шум.

Хрущев был сильно недоволен деятельностью ООН, где большинство стран голосовало против Советского Союза. Он пытался сместить тогдашнего генерального секретаря Дага Хаммаршельда и предлагал перевести штаб-квартиру из Нью-Йорка в какое-нибудь другое место. Никита Сергеевич присутствовал на всех заседаниях Генеральной Ассамблеи, хотя руководители государств обычно не тратят на это времени. Но Хрущев полностью отдался новому для него делу. Он словно вернулся в годы своей юности, когда сражался на митингах с противниками генеральной линии партии.

В первый раз Хрущев стал скандалить, когда выступал представитель Филиппин, который говорил о том, что Советский Союз аннексировал Прибалтику и подавил народное восстание в Венгрии. Хрущев, вспоминая Виктор Суходрев, пытался топтать ногами, но на полу лежал ковер. Тогда он стал стучать кулаками по столу. Отчаянно барабанил и сидевший рядом с ним Громыко. Потом Андрей Андреевич станет рассказывать, что он этого не делал и, напротив, пытался успокоить Хрущева. На самом деле он старался не отставать от своего лидера – лояльность хозяину всего важнее.

А на следующий день Хрущев стал стучать по столу башмаком, когда выступал представитель франкистской Испании. Потом Хрущев объяснял это по-разному. Но сразу после этой истории он сказал откровенно: он так стучал кулаками, что у него часы остановились. И это его совсем разозлило.

– Вот, думаю, черт возьми, еще и часы свои сломал из-за этого капиталистического холуя. И так мне обидно стало, что я снял ботинок и стал им стучать.

Он потребовал слова, вышел на трибуну и стал кричать:

– Франко установил режим кровавой диктатуры и уничтожает лучших сынов Испании. Настанет время, народ Испании поднимется и свергнет кровавый режим!

Председательствовавший на заседании ирландец Фредерик Боланд пытался его остановить:

– Выступающий оскорбляет главу государства Испании, а это у нас не принято.

Хрущеву никто не перевел эти слова. А он решил, что председательствующий вступился за испанца, и накинулся на Боланда:

– Ах вот как? И вы, председатель, тоже поддерживаете этого мерзкого холуя империализма и фашизма? Так вот что я вам скажу: придет время, и народ Ирландии поднимется против своих угнетателей! Народ Ирландии свергнет таких, как вы, прислужников империализма!

Обычно сдержанный и невозмутимый Боланд закричал, что лишает Хрущева слова. А тот продолжал говорить, хотя микрофон у него отключили. Он покинул трибуну только тогда, когда Боланд просто вышел из зала, и заседание прервалось.

Громыко впоследствии скажет, что это был позор, когда Хрущев стучал ботинком. Но сам он в тот момент был готов идти с хозяином до конца. Хотя губы у него были белые – подобного скандала Организация Объединенных Наций еще не знала.

15 октября 1960 года на заседании президиума ЦК Хрущев отчитался о поездке в Нью-Йорк. Громыко добавил, что поездка «намного укрепила наши внешнеполитические позиции». Слово получил и сопровождавший Хрущева главный редактор «Правды» Павел Сатюков.

– Западники вопили, что разрушаются парламентские традиции, – сообщил Сатюков. – Но поездка тов. Хрущева является самой великой поездкой. Резонанс в мире огромный, победа колоссальная.

Карибский кризис

4 ноября 1960 года новым президентом Соединенных Штатов был избран Джон Кеннеди. Вступая в должность 20 января 1961 года, он посвятил внутренним проблемам страны всего несколько слов. Говорил в основном о внешней политике, считая, что лишь она способна прославить его среди потомков.

– Все народы, – сказал тогда Кеннеди, – как бы мы к ним ни относились, должны знать, что мы заплатим любую цену, вынесем любые тяготы, стерпим любые невзгоды, но поможем всем друзьям и будем сражаться со всеми врагами, чтобы обеспечить победу свободы!

В Москве слова нового президента восприняли как чистой воды демагогию. Летом 1961 года Кеннеди и Хрущев встретились на нейтральной территории – в Вене. Они присматривались друг к другу. Кеннеди предложил принять совместное заявление об отказе от войны как средства решения конфликтов. Хрущев отверг это предложение, потому что это лишало его возможности участвовать в антиимпериалистической борьбе, то есть давать оружие и посылать войска в помощь всем, кто такой помощи попросит. Никита Сергеевич был разочарован тем, что на смену такому опытному политику, как Эйзенхауэр, пришел совсем новый человек, да еще моложе советского руководителя на двадцать с лишним лет.

Считается, что на встрече в Вене американский президент произвел на Хрущева впечатление несмышленика, с которым нетрудно будет справиться, и это привело к решению отправить на Кубу ядерное оружие. Но решение о переброске ракетно-ядерного оружия было принято в Москве еще до встречи с Кеннеди, 18 мая 1962 года, на заседании Совета обороны, а задумано Хрущевым еще раньше. Беседа с новым президентом могла только укрепить Хрущева в этой мысли.

В Вене Хрущев спросил Кеннеди:

– Господин президент, а сколько вам лет?

Кеннеди ответил. Хрущев задумчиво сказал:

– Да, моему старшему сыну сейчас было бы столько же или даже больше.

Все восприняли это как стремление поставить молодого американского президента на место. Но, по словам Суходрева, Хрущев произнес эти слова с грустью. Он просто вспомнил своего погибшего на войне сына Леонида, и ничего иного в виду не имел.

И все же совершенно очевидно, что Кеннеди не понравился тогда Хрущеву. В своем кругу Никита Сергеевич даже сказал:

– Да, если сейчас у американцев такой президент, то мне жаль американский народ.

После возвращения из Вены Громыко выступал в министерстве на партактиве. О встрече Хрущева и Кеннеди он сказал:

– Если образно выразиться, то это была встреча гиганта и пигмея.

Встреча не получилась – это было ясно всем. Александр Трифонович Твардовский, прочитав материалы встречи Хрущева с Кеннеди в Вене, записал в дневнике: «Сперва был порядочно смущен заключительной беседой Никиты Сергеевича с Кеннеди. Но взял с собой, почитал, вдумался: нет, это не так. Не может же быть, чтобы мы впрямь напрашивались на войну. Это проба характеров и нервов».

На самом деле Никита Сергеевич и впрямь едва не напросился на войну. Идея отправить ядерные ракеты на Кубу принадлежит самому Хрущеву. В своих воспоминаниях он пишет, что его целью было спасти Кубу от американского нападения. Благородное объяснение. Не о себе, о других думали. Но, по существу, цель была иной: показать американцам, что Советский Союз тоже может доставить им неприятность. СССР вынужден был жить в окружении военных баз США. Пусть теперь американцы лишатся привычного чувства безопасности и осознают, каково находиться под прицелом чужих ракет.

Хрущев был уверен, что ему удастся втайне повернуть эту операцию, а уж потом, когда американцы будут поставлены перед фантомом, они увидят, что деваться им некуда. Он собирался в ноябре сам приехать на Кубу, чтобы подписать с Фиделем Кастро договор о военном сотрудничестве и взаимных обязательствах и оповестить весь мир, что отныне кубинцы могут не бояться американцев. Хрущев не мог представить себе, какой будет реакция американцев. Недооценивал он и президента Кеннеди.

Никто в руководстве не возразил Хрущеву. Промолчал и Громыко, хотя, по должности, обязан был объяснить Никите Сергеевичу, как поведут себя американцы, да не посмел. Хрущев – в отличие от Брежнева – ко всем обращался только на «вы», но Андрей Андреевич перед ним робел.

«Громыко боялся Хрущева до неприличия, – вспоминал один из помощников министра Валентин Михайлович Фалин. – Когда последний повышал тон, у министра пропадал дар речи. В ответ на тирады главы правительства слышалось дробное «да-да-да», «понял», «будет исполнено». Даже если разговор велся по телефону, лоб министра покрывался испариной, а положив трубку на рычаг, он еще минуту-другую сидел неподвижно. Глаза устремлены в какую-то точку, неизбывная тоска и потерянность во всем облике».

Другие члены президиума ЦК не понимали ни ситуации в мире, ни американцев. К тому же внешняя политика и военные дела – это прерогатива первого секретаря. Думали, что пронесет, что американцы не пойдут на обострение – кишка тонка.

Сообщение о советских ракетах на Кубе оказалось сюрпризом не только для американцев, но и для советских людей. Доставка ракет и ядерных боеголовок была хорошо засекреченной операцией. Тогдашний председатель КГБ Владимир Ефимович Семичастный рассказывал мне, что об отправке ядерных боеголовок на Кубу он узнал от своего начальника разведки Александра Михайловича Сахаровского, и то когда это уже стало известно американцам.

– Разумеется, органы КГБ обеспечивали доставку на Кубу ракет и другого оружия. Но относительно ядерного оружия нас не поставили в известность... Я вызвал начальника контрразведки: «В чем дело?» И военная контрразведка через некоторое время мне доложила: да, действительно, на Кубу отправлено ядерное оружие.

– Значит, Хрущев не поставил в известность даже председателя КГБ?

– Я ведь к тому времени всего год был председателем, – ответил Семичастный, – в состав президиума ЦК не входил. Вообще был всего лишь кандидатом в члены ЦК. Меня еще комсомольцем считали. Да и не все члены президиума ЦК об этом знали.

– Но разве не было принято в таких случаях запросить мнение разведки о возможной реакции Соединенных Штатов, прогноз развития событий?

– Так это Хрущев должен был мне раскрыть свой замысел. А это означало, что и определенная часть моего аппарата все узнает. Я же должен перед разведкой вопрос поставить: как американцы отнесутся? А если мой аппарат знает, в МИД узнают, тут возможна утечка информации. Американцы были бы заранее в курсе дела, а этого он и хотел избежать. К тому же Хрущев такой человек был, что он не только американцев, но и нас хотел удивить: вот он какой выдающийся политик, все может!

Причем подготовка к отправке ядерных ракет проходила на фоне трагедии в Новочеркасске, где в те же июньские дни забастовка рабочих Новочеркасского электровозостроительного завода переросла в настоящий рабочий бунт. Он был спровоцирован постановлением ЦК и Совета министров о повышении цен на мясо-молочные продукты. Рабочих разогнали войска Северо-Кавказского военного округа под командованием дважды Героя Советского Союза генерала армии Исса Александровича Плиева. Солдаты стреляли в мирных людей. Двадцать три человека были убиты. Четырнадцать судили, половину расстреляли, половину приговорили к длительным срокам заключения. Генералу Плиеву, чьи войска отличились в Новочер-

каске, Хрущев поручил командовать советскими войсками на Кубе. Ему нужен был человек, который без колебаний примет решение применить силу.

На дизель-электроходе «Индибирка» из Североморска в кубинский порт Мариель, начиная с сентября 1962 года, доставили тридцать шесть боеголовок к ракетам Р-12 и двадцать четыре к ракетам Р-14. Р-12 и Р-14 — это баллистические ракеты средней дальности, разработанные конструктором Михаилом Кузьмичом Янгелем. Первую приняли на вооружение в марте 1959 года, вторую двумя годами позднее. Максимальная дальность полета Р-12 — две с лишним тысячи километров, Р-14 — четыре с половиной тысячи километров. Мощность штатного ядерного боезаряда превышала две мегатонны, но на Кубу отправили уже проверенные боеголовки мощностью в одну мегатонну. Однако сами ракеты Р-14 перебросить на Кубу не успели.

Кроме того, на Кубу доставили ядерные боеголовки для двенадцати тактических ракет «Луна» с дальностью полета около двухсот километров, шесть атомных бомбы несколько ядерных торпед для бомбардировщиков Ил-28.

Таким образом, на Кубе находился обширный арсенал, достаточный для ведения настоящей ядерной войны — в общей сложности 164 ядерных боеприпаса. Группа советских войск на Кубе включала в себя 51-ю (Ромненскую) ракетную дивизию, 11-ю (Днепропетровскую) зенитно-ракетную дивизию и 10-ю (Волгоградскую) зенитную дивизию противовоздушной обороны, четыре мотострелковых полка, авиационную (157 боевых самолетов, 33 вертолета) и морскую (18 ракетных катеров, четыре подводные лодки) группировки, береговой ракетный полк — восемь пусковых установок «Сопка» и части обеспечения.

Для переброски всей группы понадобилось 85 судов, которые выполнили 183 рейса. Личный состав в пути держали в трюме, где температура достигала пятидесяти градусов. Выходить днем на палубу запрещалось, выпускали подышать и размяться по ночам — небольшими группами. На Кубе им пришлось не легче: жара, высокая влажность, служить было очень тяжело.

Приказ генералу Плиеву о запуске ядерных ракет мог отдать только лично Хрущев. А вот тактические ракеты «Луна» Плиев имел право применить в случае высадки американцев на кубинскую территорию.

Еще в августе директор ЦРУ предупредил президента Кеннеди о возможности переброски советских ракет на Кубу. Но достоверной информации не было. Кеннеди до последнего не верил тому, что Советский Союз может так поступить. Тем более, что министр иностранных дел Громыко и посол Добрынин клялись, что ракет на Кубе нет и не будет.

16 октября рано утром президенту Кеннеди представили точную информацию о советских ракетах средней дальности на Кубе — это были данные аэрофотосъемки. Тут же в Белом доме собрался Совет национальной безопасности. Первое предложение — нанести по советским ракетам упреждающий удар. Министр обороны Роберт Макнамара и брат президента Роберт Кеннеди, занимавший пост министра юстиции, призывали к осторожности. Макнамара говорил:

— Бомбардировка пусковых установок советских ракет на Кубе приведет к гибели находящихся там советских специалистов. Это, несомненно, вызовет ответные меры Москвы. Мы потеряем контроль над ситуацией, эскалация конфликта приведет к настоящей войне.

Макнамара объяснил, что бомбардировка с воздуха не гарантирует полного уничтожения всех ракет. Оставшиеся ракеты могут быть запущены, и они взорвутся над американскими городами...

В Москве не подозревали, что Кеннеди уже все известно, и продолжали играть в прежнюю игру, вызывая у американцев возмущение. 18 октября Громыко, находившийся в Вашингтоне, убежденно говорил, что на Кубе размещено только оборонительное оружие, чем подорвал доверие к себе со стороны американцев. Эта ложь исключила возможность договориться

втихую, не ставя в известность общественность, решить проблему дипломатическими средствами.

В Москву Громыко, который не понял, что происходит в Белом доме, благодушно сообщил, что напряжение в Вашингтоне спадает и военная акция американцев против Кубы исключена.

Гром грянул, когда 22 октября 1962 года в семь вечера президент Кеннеди, выступая по радио и телевидению, сообщил, что на Кубе обнаружены советские ракеты, и потребовал убрать их. За час до этого в советское посольство в Вашингтоне передали личное послание Кеннеди Хрущеву. Первая реакция Хрущева и президиума ЦК – агрессивно-возмущенная. На Кубу ушло распоряжение ускорить постановку ракет на боевое дежурство.

23 октября появился ответ Москвы:

«В связи с провокационными действиями правительства США Советское правительство заслушало министра обороны СССР Маршала Советского Союза товарища Малиновского Р. Я. о проведенных мероприятиях по повышению боевой готовности в Вооруженных Силах и дало министру обороны необходимые указания, в том числе до особого распоряжения:

1. Задержать увольнение в запас из Советской Армии военнослужащих старших возрастов в ракетных войсках стратегического назначения, в войсках противовоздушной обороны и на подводном флоте.

2. Прекратить отпуска всему личному составу.

3. Повысить боеготовность и бдительность во всех войсках».

Это был сигнал, который свидетельствовал о том, что советское руководство намерено не договариваться, а конфликтовать. В ответном послании Хрущева президенту Кеннеди все обвинения отвергались с порога.

Однако грозное заявление Кеннеди многих смутило. Первый секретарь ЦК Компартии Украины Петр Ефимович Шелест, человек очень жесткий, консервативный, выходец из военно-промышленного комплекса, записал в дневнике: «Видно, у нас произошла какая-то недоработка, а может быть, просто зарвались. Ведь самоуверенности очень много, нелишне и сбавить».

23 октября Кеннеди установил вокруг Кубы карантинную зону и предупредил, что американский военный флот получил приказ останавливать и досматривать все суда, идущие с грузом на Кубу, дабы не допустить поставку на остров наступательного оружия.

Первый опасный момент возник утром 24 октября, когда советские суда подошли к карантинной зоне. Первоначальный приказ из Москвы советским капитанам гласил: прорываться.

«Я почувствовал, – писал потом Роберт Кеннеди, – что мы стоим на краю пропасти и обратного пути нет... Президент Кеннеди уже утратил контроль над развитием событий».

В самый последний момент Хрущев сообразил, что он делает, и приказал судам развернуться. Если бы суда попытались прорваться к Кубе, американские боевые корабли открыли бы огонь. И как бы тогда повели себя Хрущев и Кеннеди?

В тот же день Кеннеди получил гневное послание от Хрущева:

«Вы, господин президент, бросили нам вызов. По какому праву Вы это сделали? Вы, господин президент, объявляете не карантин, а выдвигаете ультиматум и угрожаете, что, если мы не будем подчиняться Вашим требованиям, то Вы примените силу. Нет, господин президент, я не могу с этим согласиться!.. Действия США в отношении Кубы – это прямой разбой, это, если хотите, безумие вырождающегося империализма».

25 октября в США провели учебную атомную тревогу. Стратегические дальние бомбардировщики Б-52 с ядерным оружием на борту, сменяясь, постоянно находились в воздухе, готовые через Арктику лететь к советским границам. Ситуация стала очень напряженной. Президент Кеннеди, опасаясь, что у кого-то из военных не выдержат нервы, приказал снять взры-

ватели с ядерного оружия. Приказ применить ядерное оружие будет исходить только из Белого дома, предупредил своих военных президент.

Постепенно до Хрущева дошло, какую кашу он заварил. И на одном из заседаний он обреченно произнес:

– Все, дело Ленина проиграно.

Никита Сергеевич попал в ловушку, которую сам себе поставил. Что делать, если Соединенные Штаты нанесут удар по Кубе? Ответить ядерным ударом по Америке? То есть начать глобальную ядерную войну? Да страна к ней не готова и может проиграть.

«Создалась такая нервная обстановка, что и президиум ЦК, и Совет министров перешли на круглосуточный режим работы, – рассказывал Семичастный. – И у нас в КГБ три-четыре дня окна по ночам не гасли. Резидентуры по всему миру занимались только этим. В последние дни, когда все на волоске висело, телеграммы отправляли в эфир, не шифруя, потому что шифровать да расшифровывать времени не было. Потеря часов и минут могла закончиться сумасшедшей войной».

Отправив ракеты на Кубу, Хрущев не просчитал возможные варианты развития событий. А теперь получалось, что есть один выход – отступить, вернуть ракеты назад. А чтобы это не выглядело полной капитуляцией, получить у американцев хоть что-нибудь взамен.

Но о терзаниях Хрущева в Вашингтоне ничего не знали. Американские политики призывали Кеннеди к «хирургическому удару» по ракетным позициям на Кубе. Начальник объединенного комитета начальников штабов генерал Максвелл Тэйлор сказал, что надо дать кубинцам сутки на эвакуацию населения, а потом уничтожить ракеты. Генералы были готовы нанести удар и по Советскому Союзу. Братьям Кеннеди приходилось их сдерживать.

Самым большим «голубем» оказался министр обороны Роберт Макнамара. Он говорил на совещаниях, что русские уже обладают межконтинентальными баллистическими ракетами, которые способны долететь до территории Соединенных Штатов. Поэтому установка советских ракет на Кубе принципиально ничего не меняет, просто Хрущев получает возможность нанести удар на несколько минут быстрее. Макнамара, по существу, советовал президенту вообще ничего не предпринимать.

Но для правительства Кеннеди появление ракет на Кубе было смертельным вызовом. Его политические противники не простили бы ему, если бы он не сумел заставить Хрущева убрать ракеты. Боялись, что ракеты рано или поздно попадут в руки Фиделя Кастро, который не остановится ни перед чем, чтобы запустить их в сторону ненавистной Америки. Да и Хрущев решит, что ему все можно. Ведь первая мысль, которая мелькнула у американцев: Хрущев все это предпринял, чтобы присоединить к ГДР Западный Берлин, остававшийся самостоятельным. Эту версию, не желая того, подкрепили и советские разведчики, действовавшие по указанию председателя КГБ Семичастного.

Разведчики всего лишь должны были продублировать сигналы, которые пытался подать Хрущев: Москва не желает конфликта и ищет удобного способа выйти из этой опасной ситуации. Но они, пожалуй, еще больше усилили подозрения американцев. Резидент советской разведки в Вашингтоне Александр Семенович Феклисов, который работал под псевдонимом Фомин, на встрече с известным американским журналистом Джоном Скали по собственной инициативе сказал, что в случае американского удара по Кубе Советский Союз нанесет ответный удар по «уязвимому району».

Скали тут же уточнил:

– Это будет Западный Берлин?

– Как ответная мера это вполне возможно, – легко ответил Феклисов.

Мысль о том, что это приведет к гибели людей, которые вообще не имеют отношения к кризису, устроенному Хрущевым, сотруднику КГБ и в голову не приходила. Скали сказал, что Соединенные Штаты защитят Берлин. Феклисов не мог скрыть иронии:

– Знаешь, Джон, когда в бой идет тысячная лавина советских танков, а с воздуха на бреющем полете атакуют самолеты-штурмовики, то они все сметут на своем пути.

Феклисов говорил это в расчете, что его слова будут переданы в Белый дом. Кеннеди воспринял эти слова всерьез и передал через Скали формулу выхода из кризисной ситуации: СССР убирает ракеты, США не нападают на Кубу и снимают блокаду. Добрынин отказался подписать телеграмму с этим сообщением. Феклисов послал шифровку по своей линии. Но это сообщение Хрущева не интересовало. Ему нужно было официальное заверение со стороны Кеннеди, что он отказывается от попыток нанести удар по Кубе. Этого будет достаточно для того, чтобы убрать ядерное оружие.

26 октября Хрущев передал Кеннеди новое послание, свидетельствовавшее о его готовности найти компромисс. Но американцы даже не успели на него ответить. События следующего дня перечеркнули примирительный тон Хрущева. 27 октября, в субботу, развернутая на Кубе ракетная дивизия уже была готова нанести удар по территории США двадцатью четырьмя ракетами. Вашингтон они точно могли уничтожить. Теперь любой пустяк мог привести к войне.

Тем утром у одного из американских самолетов У-2 вышла из строя навигационная система, и вместо Аляски он сорок минут находился над Чукоткой, не подозревая об этом. Ему на выручку отправили истребитель F-102, чтобы он увел за собой потерявшего ориентацию пилота. Таким образом, над советской территорией оказались уже два нарушителя. Им наперехват вылетели советские истребители. Когда об этом узнал министр обороны Макнамара, у него не выдержали нервы. Он воскликнул:

– Это же война с Советским Союзом!

Более сдержанный президент Кеннеди хмыкнул и произнес свою знаменитую фразу:

– Всегда найдется сукин сын, способный испортить все дело.

Американские самолеты успели исчезнуть раньше, чем подоспели советские перехватчики. Но ситуация уже выходила из-под контроля Хрущева и Кеннеди. Фидель Кастро жаждал решительной схватки. После появления советского ядерного оружия на острове он решил, что должен поставить американцев на место. Он требовал от советских войск решительных действий и приказал сбивать американские самолеты. Кубинские зенитчики стреляли, но не попадали. Зато дивизион зенитно-ракетных комплексов С-75 «Десна» двумя ракетами сбил американский самолет-разведчик. Легчик погиб. Об этом министр обороны Малиновский лично доложил Хрущеву. Тот спросил:

– Кто отдал приказ?

– Сами решили, – ответил Малиновский. – Товарищ Кастро приказал сбивать вражеские самолеты.

Наверное, в этот момент Хрущев понял, что ситуация стала настолько опасной, что мир семимильными шагами движется к войне. Его генералы на Кубе сами, без приказа из Москвы втянутся в боевые действия.

Довольный Кастро позвонил генералу Плиеву и поблагодарил советских ракетчиков. Обломки самолета собрали и увезли в Гавану, в музей. Мысль о том, что вслед за этим может начаться война, Кастро не пугала. Зато советские офицеры в любую минуту ждали американского удара.

Хрущев распорядился без его личного разрешения по американским самолетам больше не стрелять. Американцы, разумеется, не знали о его приказе. Они исходили из обратного: русские уже пустили в ход оружие. В Вашингтоне этот день запомнился как «черная суббота». Президент Кеннеди отправил своего брата к советскому послу Добрынину сказать, что «если вы не ликвидируете свои базы на Кубе, то мы сделаем это за вас».

Министерство обороны США представило президенту план удара по позициям советских ракет на Кубе. «Мы ожидали, – вспоминал Роберт Кеннеди, – что во вторник начнется война».

Американцы всерьез готовились к удару по Кубе и, вероятно, нанесли бы его, если бы в Москве не пошли на попятную. Никита Сергеевич органически не мог публично признать совершенную ошибку, но понимал, что исправлять ее надо, потому как на волоске висит само существование страны.

Хрущев представлялся человеком неуравновешенным, неспособным справиться с эмоциями, но это поверхностное впечатление. Его бывший помощник по международным делам Олег Трояновский считает, что Хрущев почти всегда держал себя в руках, а если выходил из себя, то это было актерство. Хотя он и тут переигрывал. Понимая, что мир находится на грани войны и надо спешить, Хрущев передал Кеннеди новое послание по открытому радио. Никита Сергеевич обещал вывести ракеты с Кубы, но просил в ответ убрать американские ракеты из Турции. Кеннеди легко согласился.

Американские ракеты были размещены в Турции при Эйзенхауэре. Это были уже устаревшие ракеты на жидком топливе – ненадежные, неточные и очень уязвимые. Они потеряли свое значение после того, как США обзавелись ракетами на твердом топливе.

Когда Кеннеди стал президентом, он сам сказал, что ракеты из Турции надо убрать. Но государственный департамент уговорил его отложить этот вопрос, чтобы не раздражать турок, которые считали американские ракеты гарантией безопасности. В начале 1962 года Кеннеди еще раз сказал государственному секретарю Дину Раску, чтобы тот начал переговоры с турками о выводе ракет. Раск не спешил выполнить его указание. И тем самым дал Хрущеву прекрасную возможность заключить формально равноценную сделку.

27 октября Кеннеди получил послание от Хрущева, в котором говорилось: «Мы вывезем наши ракеты с Кубы, если вы вывезете свои из Турции... Советский Союз даст торжественное обязательство не вторгаться в Турцию и не вмешиваться в ее внутренние дела; США должны дать такое же обязательство в отношении Кубы».

Кеннеди был в бешенстве из-за того, что госдепартамент поставил его в такое положение: ведь предложение Хрущева было вполне разумным. Он велел ответить Москве, что через какое-то время уберет «Юпитеры» из Турции.

28 октября Хрущев сообщил американцам, что приказал демонтировать ракеты и вернуть их домой. Все кончилось. Кризис миновал. В нашей стране многие вообще даже и не узнали о том, что произошло.

Я спрашивал Семичастного:

– Вы сами думали тогда, что война может начаться?

– Думал. У меня такое положение было, что я видел: все может быть. Имейте в виду – холодная война иногда доходила до такой точки кипения, что страшно становилось.

Американские военные были недовольны скорой развязкой. «В то воскресное утро, когда русские ответили, что вывозят свои ракеты, – вспоминал Роберт Кеннеди, – один высокопоставленный военный сказал, что в понедельник в любом случае следует нанести удар...»

Фидель Кастро был чудовищно разочарован, когда узнал, что ракеты с острова уберут. По существу, на этом его дружба с Советским Союзом закончилась. Впоследствии он рассматривал Москву как дойную корову, которую надо использовать во имя продолжения кубинской революции...

На следующий год, в сентябре 1963-го, начались трудности с хлебом. В Николаеве, на Украине, хлеб вовсе исчез из магазинов. А в николаевском порту в этот момент отгружали хлеб для Кубы. В городе началось недовольство. Портовые грузчики вовсе отказались работать. И что же? На погрузку поставили воинские подразделения. Суда на Кубу ушли вовремя – не хотели Кастро обижать.

Ретирада с Кубы была неизбежной. Вся эта история имела неприятные последствия для главного действующего лица – Хрущева. Карибский кризис подточил единоличную власть Никиты Сергеевича. Товарищи по партийному руководству увидели его растерянным, увидели, как он признал свою ошибку и отступил.

Николай Григорьевич Егорычев, который был тогда первым секретарем Московского горкома, рассказывал мне, что в один из тех октябрьских дней сидел в кабинете Фрола Романовича Козлова, тогда уже второго человека в партии. Козлову позвонил кто-то из военных с вопросом:

– Американцы подошли к нашему судну, хотят досмотреть. Как быть?

– Разрешить! А что еще? Мы же дали согласие.

– Но там же наше оружие! Оно секретное.

– Ну и что! Пусть смотрят. Мы же действительно уходим.

Козлов повесил трубку и доверительно сказал Егорычеву:

– Ну, наш дед-то совсем расквасился. Очень он перепугался!

Если бы позиции Хрущева не ослабли, осторожный Козлов ни за что не позволил бы себе выразиться о первом секретаре столь пренебрежительно. Правда, сам Никита Сергеевич пытался делать вид, что ничего особенного не случилось. Членам президиума ЦК он небрежно бросил:

– А вы что хотите, чтобы я, как молоденький офицер, пукнув на балу, застрелился?

Через два года, в октябре 1964-го, ему припомнили и Карибский кризис.

Хрущев причинил Западу массу неудобств, но не добился никаких выгод для собственной страны. Он умел начинать кризисы, но не знал, как их разрешить. Результатом его политики явилась огромная растрата ресурсов без всякой стратегической компенсации.

«Что же Хрущев? – писал знаменитый режиссер Михаил Ильич Ромм. – Что-то было в нем очень человеческое и даже приятное. Но вот в качестве хозяина страны он был, пожалуй, чересчур широк. Эдак, пожалуй, ведь и разорить целую Россию можно. В какой-то момент отказали у него все тормоза, все решительно. Такая у него свобода наступила, такое отсутствие каких бы то ни было стеснений, что, очевидно, это состояние стало опасным – опасным для всего человечества...»

Кремлевское трио и министр

После Карибского кризиса сменили представителя в ООН Валериана Александровича Зорина, который по приказу Москвы вынужден был долгое время опровергать неопровержимое – наличие ракет на Кубе. Ему на смену приехал востоковед Николай Трофимович Федоренко. Многие дипломаты полагали, что и Андрей Андреевич Громыко лишится своего поста. Тем более, что Хрущев не слишком ценил своего министра, пренебрежительно говорил о нем:

– Можно не сомневаться, что Громыко в точности выполнит данные ему инструкции, выжмет из собеседника максимум. Но не ждите от Громыко инициативы и способности принимать решения под собственную ответственность. Типичный чиновник.

Хрущев поддразнивал Громыко, посмеивался над ним, считал его трусом. Утверждают, что в своем кругу Никита Сергеевич будто бы говорил:

– Прикажи Громыке сесть голой задницей на лед, он с перепугу и сядет.

Ходили слухи, что зять Хрущева, главный редактор газеты «Известия» Алексей Аджубей, метил на место министра иностранных дел. Хрущеву нравилось назначать на высокие посты молодых людей. Известный журналист-известинец Мэлор Георгиевич Стуруа рассказывал, как однажды позвонил Громыко по редакционной «вертушке» – аппарату правительственной связи – посоветоваться.

– Зачем вы мне звоните? Ведь у вас есть Аджубей! – буркнул Громыко и повесил трубку.

«А в МИДе странно, – записал в дневнике один из заместителей министра. – В предчувствии перемен идет глухая и мелкая борьба страстей вокруг весьма личных аспираций. Глупо и противно, когда в этом участвуют достойные люди, цепляющиеся за пуговицы на мундирах».

Может быть, Алексей Аджубей, очень одаренный человек, и стал бы министром, но Хрущева раньше отправили на пенсию.

В дальнейшем Громыко не пришлось бояться, что кто-то покусится на его кресло. Впрочем, злые языки утверждали, что Анатолий Федорович Добрынин именно по этой причине так долго пробыл послом в Вашингтоне. Если бы он вовремя вернулся в Москву, то имел бы шанс сменить Андрея Андреевича в главном кабинете на седьмом этаже высотного здания на Смоленской площади.

Когда сняли Хрущева, Громыко внутренне перекрестился: Никита Сергеевич если даже и не собирался его снимать, то, во всяком случае, изрядно гонял и принижал. До конца своих дней о Хрущеве он говорил неодобрительно: не знаешь, что он выкинет. Зато о Сталине был высокого мнения. Громыко любил вспоминать, как во время встречи большой тройки зашла речь о будущих границах Европы. Черчилль, обращаясь к Сталину, иронически сказал:

– Господин премьер-министр, но ведь Львов никогда не входил в состав России!

Сталин, подумав, ответил:

– Вы правы, Львов никогда не входил в состав России. Но Варшава-то входила!

Еще Громыко нравилось то, что Сталин был в состоянии сам продиктовать любой документ. Если Сталину в документе что-то не нравилось, он велел кому-нибудь взять карандаш и, покуривая трубку, диктовал новый текст.

Теперь Громыко предстояло налаживать отношения с новым руководством страны, во главе которого стояли трое – Леонид Ильич Брежнев, избранный первым секретарем ЦК, Алексей Николаевич Косыгин, возглавивший правительство, и Николай Викторович Подгорный, который сначала занимал ключевой пост второго секретаря ЦК, а через год стал председателем Президиума Верховного Совета СССР. Расстановка сил в президиуме ЦК была неясна. Помимо официальных трех руководителей очень сильные позиции занимал секретарь ЦК Александр Николаевич Шелепин, которого многие прочили в руководители партии.

Громыко, не раздумывая, сделал ставку на Брежнева и не прогадал. Но правильно поставить себя в новом руководстве было непросто. Когда Андрей Андреевич готовился к выступлению на первом при Брежневе XXIII съезде партии, то его помощникам пришлось написать семнадцать вариантов речи. Он никак не мог сообразить, о чем правильнее и выгоднее всего говорить. Громыко всегда был душой и телом предан тому, кто в данный момент стоял у власти. Министр внешней торговли Николай Патоличев, сидевший в том же высотном здании на Смоленской площади, однажды заметил известному советскому дипломату Фалину:

– Знай, Валентин, в правительстве не любят и не уважают твоего Громыко... Салтыкова бы Щедрина на него...

Зато Брежнев оценил преданность Громыко. Они быстро перешли на «ты», и Леонид Ильич к министру иностранных дел очень прислушивался. У Брежнева были свои проблемы. Он первое время несколько опасался международных дел, чувствовал себя не слишком уверенно. Брежнев в качестве генерального секретаря ЦК вел переговоры с коммунистами всего мира. Но с главами западных государств, президентами или премьерами, по протоколу встречались либо глава правительства Косыгин, либо председатель Президиума Верховного Совета Подгорный.

Подгорный был совсем уж темный человек. Однажды он вместе с первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии Кириллом Трофимовичем Мазуровым побывал на сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Во время обеда, устроенного в советском представительстве в Нью-Йорке, Подгорный, вспоминая бывший первый заместитель министра иностранных дел Георгий Маркович Корниенко, сочувственно произнес:

– Трудная у вас, дипломатов, работа. Я бы сроду не смог стать дипломатом.

Мазуров сказал:

– Смог бы, если бы партия приказала.

Подгорный отмахнулся:

– Нет, не смог бы, у меня нет данных для такой работы.

Мазуров не отступал:

– А вот Епишев был у тебя секретарем обкома, а поехал послом в Югославию.

Подгорный искренне удивился:

– Э, скажешь тоже, Епишев – так то ж культурный человек.

Подгорный был очень напористым, самоуверенным и недалеким. К Брежневу относился покровительственно, держался с ним на равных, возможно, видел себя на первых ролях. Николаю Викторовичу нравилось, когда его именовали президентом, и на переговорах с иностранцами он выступал в роли главы советской делегации. На официальных приемах он оказывался хозяином, к нему обращались с тостами и приветствиями иностранные президенты.

Брежнева это злило. Должность Подгорного была декоративной, но он опирался на Украину, где еще недавно работал первым секретарем, на влиятельное украинское руководство и на выходцев с Украины, которых было немало в Москве на ключевых постах. Избавиться от Подгорного Брежневу долго не удавалось. Сначала Леонид Ильич сменил руководство на Украине, поставив в Киеве своих людей, а потом их руками снял Подгорного, которого вывели из Политбюро прямо на пленуме ЦК. Для Николая Викторовича это было как гром среди ясного неба.

Председатель Совета министров Косыгин поначалу всерьез претендовал на ведущую роль во внешней политике. Он охотно ездил за границу и принимал иностранных гостей. В политических вопросах был крайне консервативен, если не сказать реакционен. В феврале 1965 года Косыгин поехал в Северный Вьетнам, чтобы сообщить вьетнамцам, что они получают массивную военную помощь. На обратном пути из Ханоя он встретился с Мао Цзэ-дунем, безуспешно пытался уговорить его снизить накал полемики между двумя странами и даже пригласил его в Москву. На что Мао ответил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.